

Что сохранила память

Родился я давно, очень даже: более, чем восемьдесят лет назад. Много всякого позади. А вот поделиться тем, что сохранила память о ранних годах, мне казалась никому не интересной и не нужной затеей. В последнее время, желание посмотреть в свое вчера с позиций сегодняшнего стало превалировать. К сожалению, большинство деталей со временем ушло и продолжают уходить из памяти безвозвратно. Что уж сохранилось.

Улица моего детства

Вот дом, в котором родился.

ул. Аксакова 18

Четвертинку этого дома, то есть половинку второго этажа, мои родители купили после переезда из деревни в Уфу. Квартира общей жилой площадью порядка чуть больше 30 кв. м состояла из двух комнат и крохотной кухни.

Дом деревянный, двухэтажный. Он стоит до сих пор, хотя ему существенно более ста лет (*примечание: в 2018 году дом был снесён*). А вот моих кровных родных, соседей и друзей детства по дому в живых никого уж нет.

Не смотря на столь солидный для деревянного дома возраст и, соответственно, дряхлость, и сейчас даже при мимолетном взгляде,

чувствуешь, что возводил дом большой мастер по дереву. Видно он относился к тем мастерам, про деяния которых Некрасов написал: «Как чудно изукрашен город, шпили его церквей уходят в небо». Издали, как только становился видимым наш дом, первое, на чем останавливался глаз - это шпиль. Торец дома на стыке скатов крыши увенчан деревянным шпилем, но не остроконечным, а с шарообразным концом. Шпиль, конечно, скромный, но почему-то в памяти дом остается неизменно в единстве со шпилем.

Фронтон дома украшен узорчатой обрешеткой, в центре которой ниже шпиля к фронтому закреплена круглая металлическая пластина. Первоначально она была окрашена вроде б в голубоватый цвет, но никто сейчас точно не помнит в какой. От времени вся лицевая поверхность покрылась ржавчиной. Внутри пластины по окружности была красивая с буквой «ять» надпись. Память сохранила ее такой

Страховое общество якорь 1867

В центральной части было рельефное изображение якоря. Время безжалостно и ныне сохранился лишь едва различимый контур изображения якоря.

Больше на нашей улице ни на одном доме никакого шпиля и какой-либо визитки видеть мне не приходилось.

Три окна нашей квартиры выходили на улицу. Для меня через эти окна впервые открылся внешний мир.

Дом был обнесен забором, обозначая дворовую территорию.

Забор по границе нашего двора был деревянным. Кирпичная ограда, зафиксированная на фотографии, была возведена уже много-много позже.

Дворы были достаточно большие.

В глубине нашего двора стоял примерно такой же величины второй дом. Между домами стояли построенные из бревен сарайчики (главное их назначение - хранение дров) и небольшие огороженные садики. Каждым долевым собственником дома во дворе были установлены свои крошечные туалеты, аккуратно сколоченные из добротных досок. Поверху в фасадной части туалета на уровне выше роста человека были вырезаны фигурные окошечки. Со временем дверь нашего туалета развалилась. Из того, что удалось тогда достать, новая дверь была сколочена из нестроганных досок. Поэтому следовало быть осторожным: при неловком движении внутри туалета не исключено было подцепить занозу, в том числе и в такое место, откуда извлечь их самому было не просто. По мере заполнения рядом выкапывалась новая яма и туалет легко переустанавливался на новое место. Суровые сорокоградусные наши зимы мне вспоминаются, прежде всего, в ассоциации с этими удобствами и, соответственно, стремлением как бы побыстрее выполнить нужду, и как бы чего не отморозить, и не только из функционально необходимых для этого оголенных частей. Вот ведь что интересно, при этом как-то умудрялись серьезно не простудиться.

Приходит в голову что-то похожее. После окончания учебного заведения мне довелось работать в Средней Азии в горах, в геологической экспедиции, на высоте 2500-3000 м над уровнем моря. Во второй половине

августа днем температура воздуха достигала плюс 30 градусов по Цельсию, иногда за ночь вода в ведре покрывалась льдинкой. В ясное, сравнительно теплое, солнечное утро в маршрут уходили в летней одежде. Погода была непредсказуема. Неожиданно откуда-то собирались тучи. Начинался сильный холодный дождь зачастую с градом. В насквозь промокшей одежде, дрожа от холодного ветра, с посиневшими от холода губами, возвращались в лагерь. И не было случая, чтоб кто-то наутро заболел. И напротив, зимой, в камеральный период, когда жили в благоустроенных городских квартирах, было достаточно в промозглую погоду промочить ноги, как на другой день болело горло или потекло из носа.

Но по порядку. О том, что существует специальная туалетная бумага – даже не предполагал: моя фантазия так далеко не заходила. Использовались старые газеты. Никто из соседей, а мы тем более, газеты не получал. Откуда у нас они появлялись – не знаю. Но были. Хотя и в большом дефиците.

Сейчас оглядываясь, невольно осознаешь: теплый туалет – это здорово. Значительная часть нынешнего поколения просто не может представить, что такое было возможно совсем недавно. Надо еще добавить: квартиры обогревались печками, пожирающими десяток и более кубометров дров за зиму, холодную воду носили из водопроводных колонок, установленных в единственном числе на весь квартал улицы, использованную воду выливали во дворе в помойную яму, а вместо газовых плит использовались примусы, в горелке которых керосин с шумом преобразовывался в синеватый факел, используемый для кипячения воды и приготовления еды.

Национальная принадлежность, соответственно и вероисповедание, тогда имели весьма большое значение: люди выбирали ближайших соседей, исходя из национальной принадлежности: все жильцы в нашем дворе были по национальности татары, все в недавнем прошлом жившие в татарских деревнях, для которых их язык, мусульманская вера, обычаи, татарские песни действительно были родными. Тогда не было радио, тем более телевидения. Вся информация в первую очередь черпалась при повседневном общении с соседями. Приветливая внутридомовая атмосфера не была случайной, а была обусловлена естественным отбором ближних и дальних соседей: закрепившиеся на новом месте, помогали устроиться на новом месте переселяющимся родным и бывшим односельчанам. Поскольку готовые дома по цене были не очень доступны, строили индивидуальные дома поблизости друг от друга в сохранившихся свободных, но неудобных для застройки местах, оврагах и т.п. Зато потом они тесно и дружно общались, ходили только друг к другу в гости. Часто со взрослыми побанить приглашались и мы. Естественно, это сохраняло выработанный годами привычный круг общения и помогало выживать в новых, порой суровых городских условиях.

Те же факторы скрепляли и соседские отношения: мне не помнятся случаи ссоры или ругани между соседями внутри нашего двора.

Все мы между собой общались на татарском языке. Русский язык, вплоть до поступления в школу, нам был без надобности и, практически,

мы его не знали. В последствии, по жизни, это породило определенные сложности.

Наши дворы были территорией, появление чужих людей в которых было чрезвычайным явлением, и безопасность ребятишек была достаточно обеспечена.

Весной все пространство двора покрывалось изумрудной травой вплоть до глубокой осени: некоторые соседи держали коз, которые паслись во дворе или иногда прямо на улице. Там и проходило все наше свободное время. Ребятишки с одного двора или вместе с соседнего играли в прятки, чехарду, чижика и другие тогдашние игры. А чуть постарше - уже в игры с мячом.

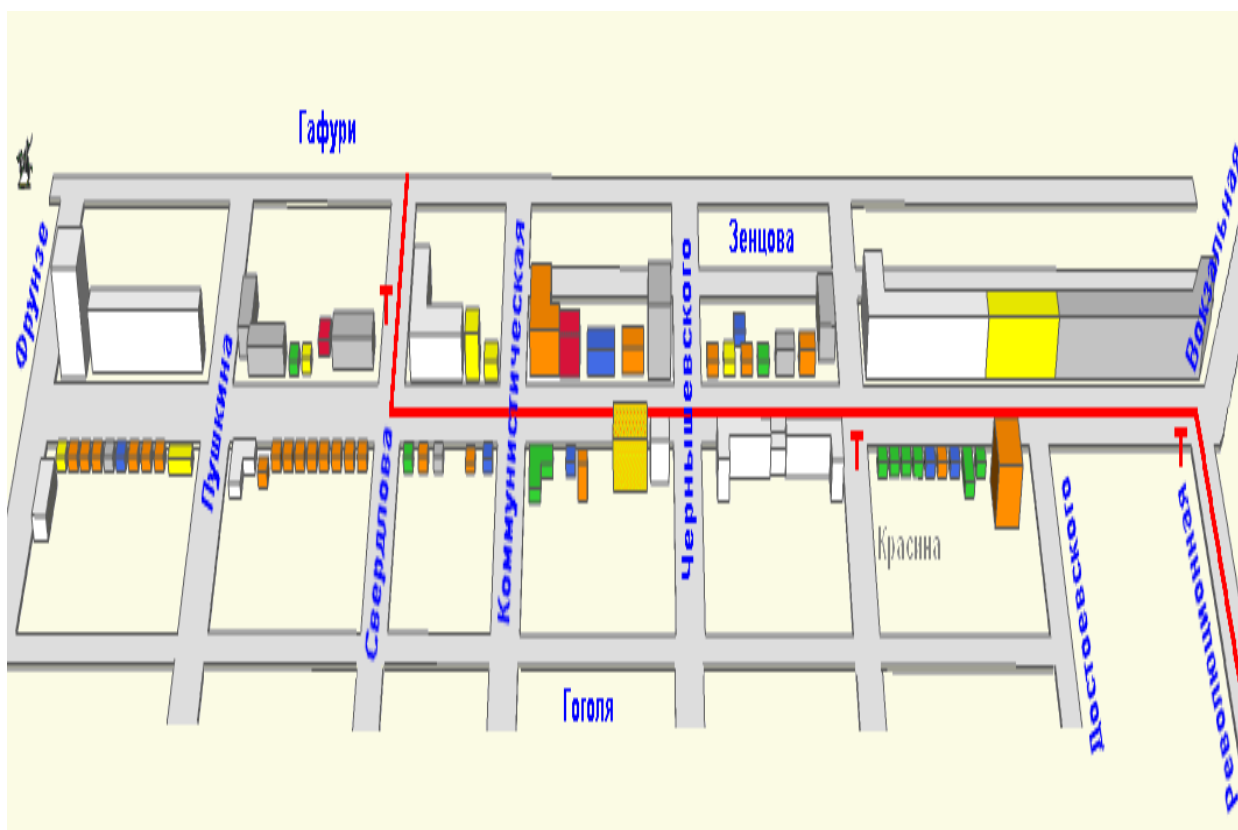
Почти как в деревне, все знали друг друга и в лицо, и по имени всех по собственному двору, а попозже уже и по соседнему и почти всех соседей на нашем квартале улицы.

Проезжая часть улицы была без твердого покрытия. Летом она также зарастала густой травкой. Осенью и весной размокшая дорога превращалась в сплошное месиво и проехать по улице можно было только конной повозке или телеге. Автомобили были большой редкостью, и в межсезонье заезжать к нам не решались. Первый грузовик, который рискнул заехать на нашу улицу в межсезонье, мне запомнился в начале войны. Глубокой осенью 1941 года по нашей колоритной раскисшей улице проехал армейский ЗИС-5. Молодые лихие военные заехали на ночь к одиноким соседкам, жившим в соседнем доме. Грузовик на следующее утро долго буксовал, закопавшись в раскисший наш чернозем, и не мог выехать обратно. Собрались жильцы нашей улицы, старавшиеся помочь кто чем: подкладывали под колеса полена и еще что-то. Когда, наконец, машина выбралась, мама сказала: "Такие молоденькие ребята, как Камиль, вернутся ли они домой?"

Зимой, когда улица покрывалась снегом, проезжая часть превращалась в большую ровную площадку. На ней мы не только катались на лыжах, но даже гоняли в футбол.

Все близлежащие дома на нашей улице были такие же деревянные одно-, или двухэтажные. Тротуары были вымощены плоскими плитами (как мне сейчас представляется, из известняка, доломита, песчаника или из подобных горных пород, на которых и построена Уфа). Большинство плит со временем разрушились, а может, изначально, тротуар был выложен не в сплошном порядке. В дождливую погоду требовалась определенная внимательность, чтоб не шагнуть мимо плиты и не вляпаться в грязь.

Если по выходе из нашего двора идти по нашей улице в противоположную от ее начала сторону, то первая пересекающая улица - это улица Пушкина (пересечение улиц Аксакова и Пушкина, до революции Каретной и Почтовой). Проезжая часть улицы Пушкина была вымощена плотно пригнанными друг к другу гладкими, как бы отшлифованными, овальными булыжниками из твердой горной породы.

С этого места открывался совершенно иной мир. Перед глазами неожиданно возникало впечатляющее каменное сооружение с двумя яркими куполами, с колокольной, высокими окнами. Толстенные, из красного кирпича, тумбы несли ажурную кованную металлическую ограду. Это инородное (фантастическое), с точки зрения малолеток, на фоне дремучих деревянных домов, сооружение было храмом - Никольская церковь. Несомненно, она была главной достопримечательностью улицы моего детства. Место для храма, вероятно, было выбрано не случайно: это наиболее высокая точка обеих пересекающихся улиц. Взгляд с макушки церкви непроизвольно уходил ввысь в голубые небеса, порождая в душе что - то непонятное и тревожное.

Никольская церковь

Никольская церковь

Не дожидаясь наших дней и Никольская церковь (стояла на пересечении улиц Каретной и Почтовой, т. е. Аксакова и Пушкина, примерно там, где теперь Управление паспортно-визовой службы, недалеко от школы № 45). Церковь была построена на земле, принадлежащей мещанину Гурьеву, на его же средства и возвели главный храм в 1882 году. Церковь была каменная с тремя приделами (главный придел — во имя Святителя и Чудотворца Николая) и колокольной с 9 колоколами. С 1919 по 1932 годы настоятелем церкви был епископ Иоанн (Виктор Алексеевич Поярков), затем священник Николай Геллертов. С 1925 года при церкви действовал благотворительный кружок, который оказывал помощь бедным и нуждающимся (так называемое сестричество). В 1924 году Никольская церковь стала Кафедральным собором города Уфы. В 1933 году Никольскую церковь закрыли, а здание передали аэроклубу под авиамастерские, наиболее ценное имущество (иконы, парча, ризы, покровы) было отправлено в четырех заколоченных ящиках в Москву, а в 1939 году в связи со строительством школы церковь решено было снести. В 1940 году здесь возвели трехэтажное здание Дома Печати.

(источник: Нигматуллина И.В., Старая Уфа. Историко-краеведческий очерк. - Уфа: Белая река, Уфа, 2007 [электронный ресурс]//DOCPAER [сайт], URL: <https://docplayer.ru/27015348-I-v-nigmatullina-staraya-ufa-istoriko-kraevedcheskiy-ocherk-belaya-reka.html>)

Фотографии Никольской церкви, запечатлены в открытках того времени. Они приводятся в Интернете. Копии у меня получились не очень высокого качества, но некоторые из них решил привести.

На моей памяти церковь уже не работала: служения были запрещены. Церковь какое - то время пустовала. Но священнослужители иногда посещали территорию церкви. Как - то, когда я с мамой проходил мимо церкви, нам навстречу встретились женщины с головы до пят в черном одеянии (монашки были частыми посетителями церковной территории). Вероятно, в моих глазах было что - то необычное. Мама среагировала по - своему: «Смотри, за пределы нашего двора никуда не ходи, а то монашки спрячут тебя под подол, унесут, никто и не увидит». Естественно, мы их боялись.

До сих пор люди в глухом черном одеянии у меня вызывают настороженность.

Среди ребятни шли разговоры о том, что в кирпичных тумбах ограждения церкви замурованы тайники с секретными запорами, в которые монашки запирают свои деньги и ценности. Откуда у них деньги - никто не задумывался, но в этом все были уверены твердо.

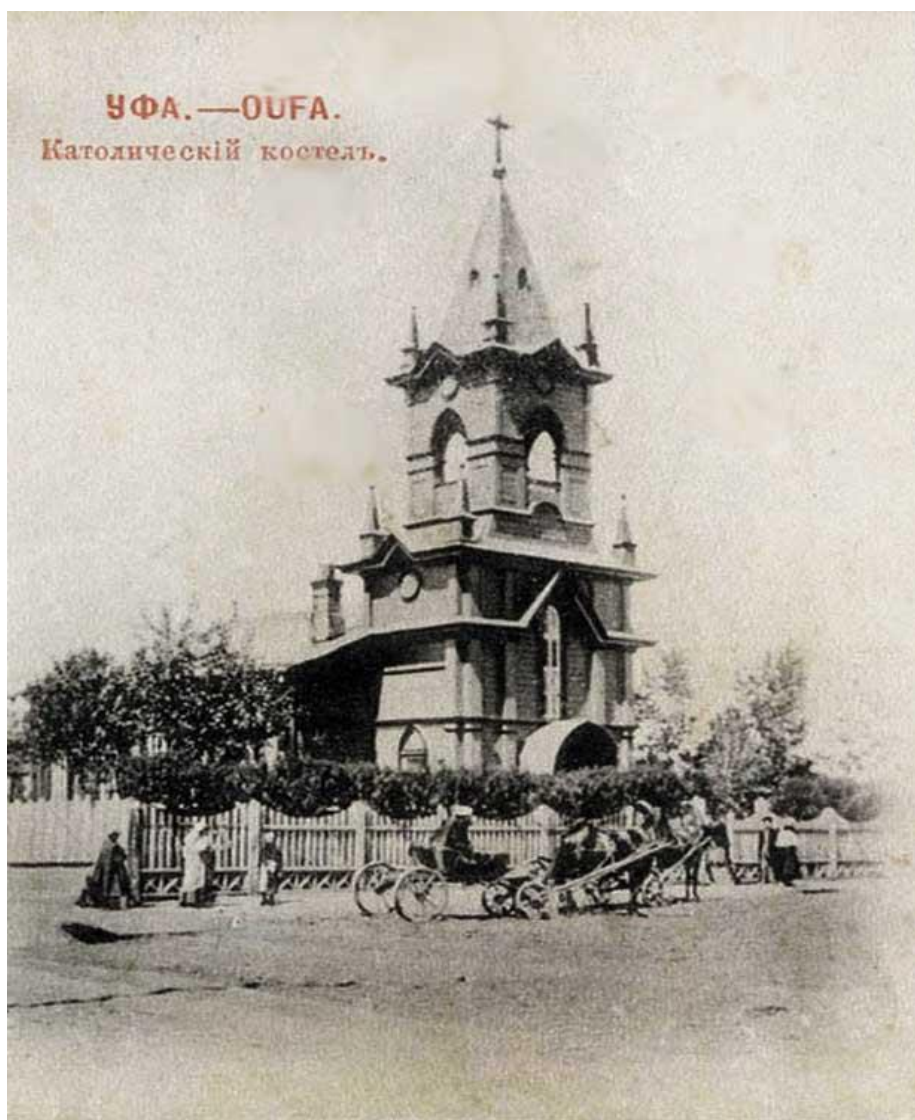
Никольская церковь

Колокольный звон мне не запомнился, но взрослые, даже будучи мусульманами, тем не менее, вспоминая, отмечали красивый перезвон звонницы.

Затем в этом здании работал аэроклуб. Мой старший родной брат, Камиль, активно там занимался, совершил несколько прыжков с парашютом. Для него это прошло не бесследно.

Незадолго до войны, когда мне не было еще семи лет, церковь была разрушена. Кирпичные руины церкви на протяжении всего периода отечественной войны лежали как памятники интеллектуальному уровню местных властей. Еще долго мы откапывали из руин части металлической ограды, выбивали из них кованые металлические кольца и использовали их как каталки.

Костел католический, деревянный одноэтажный, на углу улиц Никольской и Почтовой (ныне ул. Гафури и Пушкина), был построен в 1890 г. В середине 1970-х гг. при строительстве девятиэтажного жилого дома по ул. Гафури, 19 здание бывшего костела снесено.

В Уфе сохранились лишь единицы высокой художественной ценности храмовых сооружений, как православной, так и мусульманской культуры. В постреволюционные годы в Уфе много было их разрушено.

Только по улице Пушкина было разрушено два храма. Вероятно, так называемые священнослужители сумели посеять много недоброго, и у них не нашлось верных защитников. Сейчас происходит попытка масштабной реставрации симбиоза религии и власти. Однажды это уже закончилось крахом для тех и других, и бедами для всего народа.

Это, пожалуй, все, что осталось в памяти о главной достопримечательности нашей улицы.

Самое раннее

Мои родители были потомственными тружениками - крестьянами во всех четырех поколениях, о которых сохранила память моей мамы. О более ранних предках ничего не знаю. До переезда жили они в деревне, что километров в пятидесяти к западу от Уфы. У них было сравнительно крепкое хозяйство: две лошади, две коровы и прочая живность. В лихие годы коллективизации на селе жесткими методами ликвидировались крестьянские единоличные хозяйства. Жизнь даже не очень обеспеченных сельчан, не желавших добровольно вступать в колхозы, а значит отдавать безвозмездно в коллективное хозяйство имеющуюся у них собственность, с большой вероятностью могла завершиться так называемым раскулачиванием, высылкой всей семьи в неизвестном направлении и с небольшими шансами на возвращение. В городе непосредственно вот этой угрозы для жизни не было, представлялась более безопасной для жизни, и многие из деревень потянулись туда. Незадолго до моего рождения такое же решение приняли и мои родители. Распродав все, на что можно было найти покупателей, семья переехала в Уфу.

Семья наша состояла из пяти человек: папа, мама, старшие брат, сестра, и если приплюсовать, только что родившегося, меня пятого. После переезда встала проблема трудоустройства. Отец человек был инициативный и грамотный. Он устроился работать кладовщиком. Все вроде начало налаживаться. Но, как часто бывает, беда пришла с неожиданной стороны. В складском помещении отсутствовало отопление, вентиляции принудительной не было, целыми днями приходилось дышать гнилостным воздухом. Резкое изменение условия жизни пагубно отразилось на здоровье отца. Сказалось и ухудшение качества питания сравнительно с деревенским. В крестьянском хозяйстве собственные лошади, коровы, бараны, коровы, козы, птица и все остальная живность полностью обеспечивали семью качественными мясомолочными и другими основными продуктами питания. В городе со всем этим появились сложности. Положение усугублялось отсутствием у выходцев из деревни иммунитета к городским болезням. В то время не было эффективных лекарств борьбы с туберкулезом, косившим многих приезжих из деревни. Через два с небольшим года после переезда туберкулез лишил жизни моего папу. Было ему тридцать девять лет.

Мать в тридцать два года осталась с тремя несовершеннолетними детишками без средств существования наедине со своей болью и суровой действительностью: как же жить дальше. Образование – два класса медресе, где обучение татарской грамоте проводилось на арабской письменности. Знание русского языка - на уровне бытовой. Специальности – никакой.

Брату Камиллю, самому старшему из нас, было одиннадцать лет, сестре Наиле - восемь, мне - полтора года. Пристроить нас было некуда. Оставить дома одних - то же исключалось. Поэтому, устроиться на работу матери не было никакой возможности. Ей удалось выхлопотать для нас пенсию. Мизерную по размерам. Чтобы выжить, мы освободили одну комнату и все четверо разместились в одной комнате. В освободившуюся комнату стали пускать квартирантов. Это чуть увеличивало наш семейный бюджет. Но все равно с тех пор мы долгие годы жили в крайней бедности и выжили только благодаря самоотверженности мамы.

Сейчас у меня много времени, чтоб оглянуться. Кривить душой мне незачем: я никогда в детстве не чувствовал себя обделенным. Видимо, мамина любовь с лихвой заменяла все остальное. А то, что мама переживала это остро, позже проявилось совсем неожиданно. В детстве у меня не было фабричных игрушек, ну совсем никаких, только что-то самодельное. Через много лет, мы вместе с сыном приехали к маме в гости. Игрушки составляли немалую часть нашего багажа. Мама некоторое время задумчиво наблюдала за нами. Потом грустно сказала: а у моих детей ничего этого не было. Сказала она, как обычно, на татарском языке. В переводе грусть, задушевность, заложенная в ее фразе, исчезает, но лучше у меня не получается. Но главное, вероятно, в другом: мамин голос – это самый душевный и любимый голос в мире.

К пионерской жизни я оказался причастным намного раньше того, как достиг пионерского возраста. На противоположной стороне нашей улицы Аксакова стоял дом № 33, выделявшийся от остальных на улице. Солидный дом был утоплен в глубину двора. Большие окна дома были скрыты от взглядов с улицы фруктовыми деревьями. Вход в дом был с тыльной стороны дома из просторной веранды. Здесь располагалась Пионерская Коммуна. По современным понятиям это был детский дом. Сейчас на этом месте находится современный девятиэтажный дом. Никаких старых фотографий у меня нет.

Где – то года за два до начала войны мама устроилась в Коммуну работать поваром. Не знаю: училась - ли она этой профессии на каких-либо курсах, но готовила она вкусно.

Заведовала коммуной строгая справедливая тетя, по национальности татарка. Имени ее не помню. Она с душой относилась ко всем в Коммуне, и к сотрудникам то же. Перед Новым Годом с большой выдумкой воспитатели и все члены Коммуны своими силами украсили помещение собственными рисунками и игрушками на новогоднюю тему.

Сейчас не могу вытащить из памяти: из каких требований к возрасту воспитанников исходили при приеме в Коммуну. Но однозначно: все были школьного возраста, возможно, только пионерского.

На Новогодний утренник заведующая пригласила детей дошкольного возраста сотрудников. Их было всего несколько. Так я впервые попал внутрь Коммуны. Надо мной взяли шефство трое пионеров. Сначала мы зашли в комнату, где стояли тумбочки и кровати с аккуратно заправленной постелью и с подушкой в виде треугольной пирамиды.

У нас в доме в комнате не было места для кровати для меня. Я спал на сундуке, заправленной, как мне помнится, цветастой простынею. Запасного комплекта не было и стирка была совсем не частой. Затем пионеры взяли меня за руки и мы вошли в большую комнату, где в шумной веселой обстановке мы и были до окончания утренника. Наравне со всеми я участвовал в викторинах, играх. Оказалось: по скорости счета в уме я был не последним. Видимо сказалось невольное присутствие в подготовке уроков Наили. Даже выиграл игрушку, изготовленную руками пионеров, которую долго берег.

Это был первый праздник в моей жизни, яркий и запомнившийся на всю жизнь. Я могу вспомнить лишь несколько новогодних праздников, которые сейчас могу восстановить, хотя б в некоторых деталях.

Летом, на период школьных каникул, вся Коммуна выезжала в загородный дом. Он находился в лесу в районе между нынешним русским драмтеатром (в направлении р. Белой) и крутым спуском к железной дороге. Просторный особняк, вместе с возведенными вокруг другими аккуратненькими жилыми постройками, позволял без проблем размещаться всем Коммуновцам.

Вероятно, ранее это была усадьба экспроприированного в революцию представителя паразитического эксплуататорского класса. Тогда забота о детях, лишенных родителей, была реальной.

Матери удалось взять на лето и меня. Так у меня впервые появилась своя кровать и нормальная постель. Находилась она в чердаке, чистом и уютном, с малюсеньким окошком. Там же стояла и вторая кровать. Мама приходила поздно, уже после отбоя. И уходила очень рано, когда я еще спал.

День, как и у всех коммунаров, для меня начинался с сигнала горниста. Все дружно бежали на утреннюю зарядку. Поскольку и по возрасту и, соответственно, ростом я был значительно меньше всех, мое место в строю всегда находилось в хвосте. После зарядки тут же на свежем воздухе все умывались и затем гурьбой шли в столовую на завтрак. Мне в столовую ходить было запрещено. Завтракал я у себя на чердаке.

После завтрака опять по сигналу горниста все воспитанники собирались на подъем флага. Обязательно все должны были быть в пионерских галстуках. По команде «На флаг, равняйся!» все поворачивали лица к поднимаемому флагу, барабанщик отбивал дробь, а пионеры отдавали салют, поднимая правую руку и прикасаясь большим пальцем ко лбу. Затем

пионер - вожатый призывал: «К борьбе за дело Ленина-Сталина будьте готовы!» Ответ звучал очень дружно: «Всегда готовы!»

Галстука пионерского у меня не было, но мальчишки меня обязывали то же отдавать салют, пионер - вожатый, улыбаясь, снисходительно не замечал отступление от ритуала.

Затем были всякие мероприятия.

Иногда с ребятами уходили в лес. Некоторые знания, приобретенные при общении с ними, сохранились до сего дня. Могу сделать свистульку со звучанием свирели. Для её изготовления лучше всего подходит свежесрезанная ветка липы. Чтобы сделать лук, больше всего подходит ветка орехового дерева (фундук). В наших лесах фундук был распространен повсеместно. Ловили красивых бабочек, стрекоз. Их засушивали, зажимая между страницами книги. Попадались очень красивые большие бабочки, подобных я больше никогда не видел.

Случалось, и не очень приятное. Однажды во время прогулки по лесу один из ребят сделал самокрутку из сухих листьев какого кустарника. Потом предлагал поочередно всем затянуться этим дымом. Очередь дошла до меня. Ему показалось, что я увиливаю, не затягиваюсь. Тогда он, после того, как я набрал в рот дым, закрыл руками мне нос. Я подавился дымом, закашлялся нехорошо, в глаза навернулись слезы. Все заступились за меня. В дальнейшем я не видел, чтоб кто - то из них курил. Так я впервые практически испытал отвратный вкус горелого листа.

В конце дня все пионеры обязательно строились на спуск флага.

Не знаю почему, но ребятня меня не обижала, даже больше: они относились ко мне заботливо. О них вспоминаю тепло и с грустью. Как у пионеров сложилась жизнь потом - можно только предполагать. Очевидно, в голодные, с трехсотграммовой пайкой хлеба в день, при полном отсутствии медицинской помощи, долгие годы войны, удалось выжить далеко не всем.

В длинные зимние вечера у нас часто собирались Ахмет абы (родной брат мамы) с супругой (Зейнаб апа) и с детьми, Салу апа (родная сестра мамы) с мужем (Хаби жизни). Пили чай. Обязательно жарили семечки. Потом Камиль читал произведения татарских писателей. Из какого критерия он отбирал книги в библиотеке, сейчас уже не узнать, но вкус у него был безошибочный. Читал очень здорово. Все активно сопереживали с героями с перипетиями описываемых событий. Стояла тишина, только слышалось лузгание семечек. Порой чтение прерывалось громким смехом, или наоборот глаза наполнялись слезой.

По жизни я прочитал достаточно много книг, но ни одна книга в дальнейшем мне так не теребила душу.

В какой-то момент Камиль в самом интересном месте заканчивал чтение до следующего сбора. Шумно собирались домой. Мама выходила их проводить. Камиль и Наилья прибирались. В доме становилось буднично тихо.

Но оказывается, это было совсем не так, неестественно тихо в доме сейчас, когда я живу один.

Старинная китайская мудрость - проклятие: «Не дай Вам Бог жить в эпоху перемен». Конфуций (источник: URL: <https://juvenal161.livejournal.com/35290.html>).

А поэту нашей родной страны выпало прочувствовать это на собственной шкуре. Владимир Николаевич Гладышев (источник: <https://www.stihi.ru/avtor/vladgladishew>):

«Страшно жить в эпоху перемен,
Смены строя или двух систем.
А нам, к сожалению, пришлось,
Пережить всё это довелось».

Поколению, начало жизни которого совпало с началом двадцатого века, выпала судьба прожить в потрясающе сложную эпоху. Перемен было в избытке. Первая мировая война, крах монархии, переделы собственности под привлекательными для масс идеями: «Земля крестьянам, фабрики рабочим», гражданская война, эпидемии тифа, холеры, засуха и голод в Поволжье и не только. Закономерная, в итоге, разруха в народном хозяйстве. Всего не перечесать. Но и этих тяжелых лет оказалось недостаточно. Только жизнь начала налаживаться - началась отечественная война со всеми бедами: не было семьи, в которой в войну кто-то не остался лежать на поле боя убитым.

Все эти беды в полной мере достались и моим предкам.

От брюшного тифа в 1918г. умерли родители моей мамы: отец и мать, то есть мои бабушка и дедушка. Моя мама ещё трое ребятишек остались сиротами. Она была старшей. Маме тогда было шестнадцать лет. В первую очередь благодаря маме, им удалось выжить. И потом, когда мама вышла замуж, они дружно крепко держались друг за друга. И всю жизнь в их отношениях неизменно ощущалось, что к маме они относились как-то по-особенному уважительно. Потом доброе отношение передалось нам: брату, сестре и мне.

Пожалуй, наиболее колоритной фигурой из моих ближайших родных был Ахмет абы.

Ахмет абы был крепкий, от природы ладно скроенный мужчина. Всю жизнь зарабатывал на хлеб физическим трудом: то сплавлял плоты с лесом, то ставил избы или что-нибудь подобное. Он относился к той категории мастеровых, про которых говорят «золотые руки». Его, как правило, выбирали старшим. Типа мастера или бригадира.

Ахмет абы по дороге с работы домой часто заходил к нам. У него было чувство юмора, простонародное без сантиментов. Однажды, как обычно, он зашел к нам. В квартире было холодно, дрова сырые давали мало тепла. Увидев мои посиневшие губы, он участливо спросил: «Что, замёрз?»

«Да» - честно ответил я.

«Полезай ко мне в задницу. В мае месяце вылезешь». Такого же порядка обычно были и другие его шутки.

К началу войны Ахмет абы был в возрасте Христа: было ему тридцать три года. Отслужил срочную военную службу. Естественно, в первые же месяцы войны, когда в стране была объявлена всеобщая мобилизация, он был призван в армию.

Все годы войны Ахмет абы был на фронте, на передовой. Начиная с тяжелого периода отступлений вплоть до того же нелегкого пути по освобождению Европы.

Поколение победителей
Насыров Ахмет Абдракипович
08 декабря 1932 года. Возраст – 25 лет.
До Великой Отечественной оставалось восемь лет.

Закончил войну на Дальнем Востоке после капитуляции Японии. По теории вероятности шансов остаться живым у него практически не было. А он за все эти годы был только единожды ранен. И вновь вернулся на передовую. Возможно, у него был очень активный ангел-хранитель.

Его военная профессия – снайпер. Звание – старший сержант. Видно природа сполна наделила его всеми качествами воина. И воевал он здорово. Его удостоили всеми высокими солдатскими боевыми наградами, которые присуждаются только за проявленное личное мужество: две медали «За отвагу», медаль «За боевые заслуги» и самая высокая солдатская награда – орден «Славы». И много других наград. Вернулся домой в 1947 году.

Вышел на пенсию. Еще в сравнительно приличном для человека, провоевавшего годы на передовой, состоянии здоровья. Как-то дома встали настенные часы с боем. Он поднял гири у часов. Встал на табуретку, чтоб передвинуть стрелки. Всю жизнь такой ловкий, он неожиданно потерял равновесие и неудачно упал. Сломал тазобедренный сустав. В гипсе пролежал менее месяца, дольше сердце не выдержало. Умер в возрасте чуть семидесяти семи лет.

Вот так вот. Прошел с боями пол Европы, под пулями, снарядами, бомбежками. Часами лежал неподвижно на мерзлой земле или болотной жиже, выслеживая вражеских «кукушек». И всегда и везде выходил победителем. По всем параметрам жить бы ему еще с десятков лет. Такая нелепая смерть.

Но это как посмотреть. В жизни ничто не проходит бесследно. Ситуация могла быть сложнее того, как нам представляется. В смертельном поединке с немцем – снайпером Ахмет абы выстрелил на мгновение раньше, как всегда точно. Для снайпера – немца сразившая его пули оказалась роковой: нажать на спусковой крючок он успел, но точность была потеряна и после его выстрела пуля вошла в ногу Ахмет абы.

Земную дуэль снайпер - немец проиграл.

Известно, немцы - народ педантичный. Немец - снайпер уже из другого пространства сумел достать своего противника. Через сорок лет. В неподходящий момент, раненную ногу Ахмет абы пронзила боль, для потери равновесия этого оказалось достаточно.

А настенные часы добросовестно остановились на показании, которым судьбой был предопределен конец жизни хозяина.

Пора школьная

Как я поступил учиться в школу.

В предвоенном сороковом году в ноябре месяце мне должно было исполниться восемь лет. В школу тогда принимали по достижении полных восьми лет. Дома стали обсуждать: идти мне учиться в этом году или уж подождать, когда исполнится полных восемь. Мама считала, что я еще маленький, слабенький и лучше отложить школу на следующий год. Камиль, напротив, считал, что незачем ждать год. Приводил какие – то доводы.

Камиль был старшим, и ответственность за нас рано легла на его плечи. Хотя к тому моменту ему было семнадцать лет, его мнение для мамы, как правило, оказывалось решающим. Это сохранилось на всю жизнь.

Мама быстро с ним согласилась. Более сложным оказалось определиться: в какую же школу мне идти учиться: в татарскую или русскую? Камиль закончил семь классов в татарской школе. Занятия в школе проводились на родном татарском языке, за исключением только уроков по русскому языку. В курс изучения литературы входило изучение определенного объема классиков татарской литературы. При поступлении в ВУЗ на вступительных экзаменах первым был экзамен по русскому языку. Он был обязательным и при неудовлетворительной оценке к экзаменам по другим предметам поступающий не допускался. Кроме того, оценка на приемном экзамене непосредственно сказывалась на среднем балле. Поскольку в татарской школе уровень знания русского языка неизбежно была ниже, чем в русской школе, то вероятность поступления в ВУЗ также падала, что влияло на конкурентоспособность выпускников татарских школ.

Учился Камиль хорошо и, вероятно, планировал после школы дальше продолжать образование. Не знаю каких ему трудностей стоило, но он смог после окончания семи классов перевестись в русскую школу. Наиля закончила четыре класса в татарской школе. По тропинке, проложенной Камилем, после четвертого класса она перевелась в русскую школу. Русского языка я практически не знал. Мама засомневалась, а примут ли меня в русскую школу. Камиль уверенно сказал, что примут. Семейный совет в лице мамы, Камиля, Наили (мое мнение никого не интересовало), не сразу, но решил направить меня учиться в русскую школу.

Самой близкой от нашего дома была русская (то есть обучение на русском языке) школа № 64. Она была построена незадолго до начала войны на улице Пушкина недалеко от Никольской церкви. Сейчас школа в этом здании имеет номер 45. Но в этом здании мне так и не довелось учиться.

С начала Великой Отечественной войны в здании был размещен госпиталь для раненых военных. В летний, солнечный день в больничных халатах, с руками или ногами в гипсе, с костылями или без, они выходили погреться на солнышке в госпитальный двор. Некоторые стояли у ограды. Недалеко от госпитального здания на углу на противоположной стороне улицы невзрачная тетка обычно стояла и поштучно продавала папиросы. Раненые проходящих мимо пацанов просили сходить и купить папиросу. Мы это выполняли беспрекословно.

ул. Пушкина 67. Школа №45

На другое утро, меня приодели во что-то чистенькое, аккуратно поглаженное. Втроем: мама, Камиль и я, вероятно по направлению органов просвещения, пошли в школу 45. Это была школа начальных классов с преподаванием на русском языке. Она размещалась по ул. Аксакова 51.

Дом сохранился. В нем размещается Научно-методический центр "Педагогическая книга"

**ул.Аксакова51. Научно-методический центр
"Педагогическая книга"**

Мама, крепко держа меня за руки, и за нами Камиль, зашли в комнату. За письменным столом сидела женщина. Она посмотрела наши документы. О чем-то маму спрашивала. Мама отвечала. Затем директриса обратилась ко

мне. Я понимал смысл вопросов, но словарный запас у меня был ограничен, и мои старательные ответы у присутствующих вызывали любопытство, веселое оживление и улыбку. Наконец, директриса, возвращая маме документы, сказала, что не может принять меня в школу, по причине не знания, не владения русским языком. Мама уже забрала было документы. Тут вступился Камиль. Не помню, что он говорил, но в конце он сказал: «Спой песню по-русски» и поставил меня в середину комнаты. Я встал по стойке смирно и начал петь: «Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону». В комнате уже все откровенно развеселились. Директриса спросила, знаю ли я еще песни. Камиль сказал, что, конечно, и сказал, что б я спел то ль Каховку, то ли Орленка. Директриса оценивающе посмотрела на меня и сказала: «хорошо, я принимаю Вашего сына в школу, и взяла документы у мамы».

Так начались мои школьные годы. Учеба мне давалась легко, Мне не припоминаются какие-то сложности в освоении того, что доводилось до нас на уроках. Был активным. Одним из первых поднимал руку при готовности ответить на вопросы учительницы. По всем предметам. Кроме русского языка. Особенно в начальных классах, при написании диктантов, да и устном изложении. И в, основном, там, где у русских ребятишек вообще не возникало никаких вопросов. Главным образом, что касалось рода и отчасти падежей. Для меня одним из непреодолимых камней преткновения являлось определение рода существительного, и соответственно, сопряжения с ним других частей речи: прилагательных т.д. Парта какого рода? Сосед по парте смотрел на меня удивленно: женского. А стол? Мужского. А окно среднего. Почему? Как почему? Вразумительного ответа до сих пор мне никто так и не дал. Одним из вариантов ответа был такой: ты же не скажешь хороший парта, а скажешь хорошая парта. На мой же слух оба варианта звучали одинаково, представлялись принципиально равнозначными. Еще и замечания получил от учительницы, что разговариваю во время урока. Дома оказалось, что эти трудности вставали у большинства татарских учеников, не владевших русским с раннего детства. В татарском языке, кстати, как и в английском, неодушевленные существительные не разделяются по родам. И требуются дополнительные усилия при изучении некоторых иностранных языков.

Радикальному способу меня научила Наиля, а, как оказалось, ее научил Камиль. Возможно, и он почерпнул от кого-то. Оно не универсальное, но здорово помогает. Правило такое. Если существительное заканчивается на букву «а» или «я», то оно женского рода. Если заканчивается на букву «о» или «е» - то оно среднего рода. Если заканчивается на согласную или на «й» - то мужского. Конечно, словарь содержит десятки или даже сотни тысяч слов, и многое в это правило не вписывается. Например, шалаш – слово мужского рода, а слово мышь, на слух не определишь – заканчивается то ли на согласную, то ли на мягкий знак, и слово при этом соответственно женского или мужского рода. Но количество вариантов для механического запоминания все равно сокращается ощутимо.

К нам иногда заходили проводить маму Султан абы с супругой. Они то же выросли в деревне. Но отличались от других маминых знакомых внешним видом. Всегда были аккуратно, как мне тогда казалось, богато одеты. И выглядели красивой парой. Он был юристом и единственный из всех, кто приходил к нам, был всегда в галстуке. Хорошо без всяких акцентов владел русским языком. Ему как-то я и задал вопрос: как же определить род неодушевленного существительного? Почему, например, диван мужского рода, а кровать – женского? За давностью, дословный ответ я не помню. Весьма приблизительно ответ можно пересказать таким образом: «знаешь, ты на этом не очень заклинивайся. У русских вообще для меня многое логически необъяснимо. Например, у татар Ахмет всегда мужское имя. А Марьям – женское. И все имена имеют однозначное применение. А у русских не всегда так. Вот у меня были соседи: тетя Шура и дядя Шура. Уже пожилые (в детстве его звали Шурик). А оказалось, что оба никакие ни Шуры, а Александры. Читай побольше книг, ответ сам придет». Этому совету я старался следовать всю жизнь. Людям не дано знать свое завтра. После окончания техникума каждые два или три года я приезжал навестить маму. Через много лет она вспомнила про Султан абы. Уже будучи на пенсии, у него жена слегла с тяжелой болезнью. Не могла вставать. Султан абы долго ухаживал за ней, по несколько раз в день меняя ей постель. После ее смерти у него диагностировали тяжелую форму рака. За ним ухаживать оказалось некому. Сразу же на другой день он выбросился из окна. Если б мне поручили составить очередь претендентов, я б никогда не включил его в кандидаты самоубийц. Жизнь суровая и грустная штука, и непредсказуемая. Так закончилась жизнь этой симпатичной авторитетной для меня пары. К седьмому классу вроде б неплохо овладел русской грамматикой. При поступлении в техникум помогал писать письменный вступительный по русскому демобилизованным абитуриентам. Тогда это негласно разрешалось. Был недобор демобилизованных фронтовиков, и их принимали в техникум вне конкурса, лишь бы были положительные оценки по письменным вступительным экзаменам. Уже в техникуме на эту тему слышал такой анекдот. В кафе сидят немного навеселе двое. Зашел разговор по душам. Татарин жалуется, обращаясь к русскому сотоварищу: «Ааа. Мой жена стерва». Русский поправляет: «Не мой, а моя». Татарин соглашается: «Даа. Твоя то же».

Пора военная

Человеческая память, как мне кажется, принципиально отличается от электронной памяти компьютера тем, что сохраняет былое не по мере поступления информации, а избирательно, исключительно по своим непонятным логически критериям изгибов извилин. Как ворвалась война в нашу жизнь, что мы в тот день делали, реакцию взрослых на начало несчастий, бед вспомнить не могу, ну абсолютно ничего.

Сохранились обрывки, по которым как по канве можно частично восстановить общее.

За несколько дней до начала войны Камиль в июне 1941 г. закончил среднюю школу - десятилетку. Сразу устроился на работу.

Он вообще был человек с активной позицией. К этому времени он уже прошел курс обучения в аэроклубе, совершил прыжки с парашютом. В конце июля 1941 г. ему исполнилось восемнадцать лет, то - есть он достиг призывного возраста. В самый тяжелый период начала войны, в августе (сентябре?) 1941 года, он добровольцем ушел на войну. Мать со слезами его провожала. Вот это я уже запомнил.

В 1942 г. (?) Камиль был направлен и закончил Чкаловское военное училище. Воевал. Их боевой самолет не раз попадал под огонь, но экипаж имел мужество и мастерство дотянуть подбитый самолет и совершать вынужденную посадку на нашей территории. Был ранен. Воевал до Победы. К счастью вернулся живым.

Вернулся он домой через шесть лет, летом в 1947 г. В отпуск, на десять дней. Совершенно другим, не раз смотревшим в лицо смерти. При боевых орденах и медалях. Скупое рассказывал про войну, отшучивался от вопросов типа: за какие подвиги получил награды. Сумел сохранить чувство юмора, разговаривать с ним было интересно и легко. Сейчас бы, несомненно, я был бы внимательнее и попробовал бы его разговорить, но поздно, его уже нет, да и у меня жизнь уже позади.

После ранения по медицинским показателям Камиль не подходил под требования, предъявляемые летному составу. После войны он ушел из авиации. Сменил род работы. В ряды КПСС он вступил в годы войны – в октябре 1944 г. Очевидно, на фронте никаких корыстных выгод членство в КПСС не давало. Всю последующую жизнь он был верен идеям социализма. В моем понимании он был бескорыстным настоящим коммунистом. Работал на различных должностях. Успешно. Занимал достаточно высокие посты. Исклчительно болезненно переживал планомерное разрушение СССР руководителями периода так называемой перестройки. Особенно неприязненно он относился к Ельцину. Камиль считал его предателем.

Борис Ельцин (родился 1 февраля 1931 — умер 25 апреля 2007) Из биографии: «Он не служил в армии из-за травмы, в результате которой лишился двух пальцев на левой руке». Но это не помешало ему стать Верховным главнокомандующим Вооруженными Силами РФ (*источник: некролог Борису Ельцину [электронный ресурс]// epitafii.ru [сайт], URL: <http://epitafii.ru/necrolog/boris-eltsin.html> (дата обращения 07.01.2020 г.)*).

Камиль был 1923г. рождения. «Нет, я должен дожить до смерти этого кулацкого сынка» - говорил он. Эта цель, для него в какой-то мере, видимо, являлась стимулом к жизни. Действительно, Камиль, хоть и был старше Ельцина на восемь лет, дожил до смерти Ельцина. Как только я услышал по радио о смерти Ельцина, я немедленно позвонил об этом Камиллю. Он переспросил: «А ты не ошибся?. Ты сообщил мне ожидаемую весть. Цель не

оправдывает несправедные средства на пути достижения власти. Предательство точит человека изнутри. Закономерно, алкоголь стал для Ельцина средством заглушить угрызения совести». После паузы: «то, что мне было дано дожить до этого момента, наверно, не случайно». А я в свою очередь спросил: «А теперь что является для тебя стимулом поддержания жизненных сил?». От ответа он ушел. А почему он считает, что не случайно он пережил Ельцина, так его я и не спросил.

Камиль ненадолго пережил Ельцина. Умер в 2009 г. в реабилитационной палате. На третий день после операции. Исходя из возраста и возможных осложнений с сердцем больного, врачи не были уверены в успешном исходе оперативного вмешательства.

**Поколение победителей.
Ибрагимов Камиль Зинатович
1947 год. Возраст – 24 года.**

Принятие решения - быть или не быть операции врачами было отдано самому больному. Камиль на исходе жизни оказался перед выбором.

Наличие крови в кале это опасный симптом, указывающий на неблагополучное состояние организма. Как правило, причины, вызвавшие появление в стуле крови, относительно безобидны. Таким образом, при благоприятном течении непосредственной угрозы жизни может и не быть. Но могут быть и серьезные причины, которые требуют безотлагательно лечения. Поэтому причину появления кровяных примесей в каловой массе установить нужно как можно скорее. А тут еще возможные осложнения с сердцем. И тогда операция – самая короткая добровольная дорога к смерти.

Камиль дал согласие проведению операции. К сожалению, операция жизнь ему не продлила.

Умер Камиль девятого марта. Как истинный джентльмен, он сумел не омрачить Праздничный день 8 марта родным и близким. Если б он не согласился на операцию, то возможно, сколько - то еще пожил. Но это был выбор решительного человека. На фронте он не раз попадал в ситуацию, при которой требовалось принятия решения ценою в жизнь. Может в данном случае хорошего решения в принципе не было?

В интернете на сайте skorbim.com памяти моего брата Камиля посвящена страничка:

Мемориал - Ибрагимов Камиль Зинатович.

Пол:	Мужской
Религия:	
Дата рождения:	29.7.1923
Место рождения:	
Дата смерти:	9.3.2009
Место захоронения:	

Ибрагимов Камиль Зинатович

Мне довелось учиться в техникуме бок о бок четыре года с демобилизованными участниками войны. Участники войны кардинально отличались от меня, от моих сверстников и вообще от всех, кто не прошел через это. Были они лет на семь - восемь старше нас, поступивших в техникум сразу после школы. На нашем легкомысленном фоне это были мудрые, знавшие цену жизни и еще что-то чего не было дано знать нам, с четкой целью на завтра, надежные люди. Не очень разговорчивые улыбались они намного реже. Но если что - то нам говорили, то их мнение воспринималось беспрекословно. Преподаватели относились к ним совсем по-другому, с уважением, минимум как к равным.

Первого сентября 1941г. начался очередной учебный год. Я пошел в свою школу на улице Аксакова, учиться во второй класс. В начале учебного года у нас не было постоянного места для занятий: то они проводились в доброй довоенной классной комнате, а на следующий день – уже в неудобном подвальном помещении. А еще через несколько дней нас разместили в комнате в одноэтажном древнем деревянном доме, где располагалась детская техническая станция (на пересечении улиц Аксакова и Фрунзе). В помещении, вообще за пределами нашей родной школы, вместо парт стояли обычные столы, и разместиться мы могли только сидя вплотную друг к другу. Вероятно, наши учителя прилагали все возможное, чтобы занятия проводились ежедневно, они не срывались. Со временем нас вновь вернули в помещение нашей родной школы в полуподвальный этаж, условия для занятий стали более постоянными и сравнительно в нормальных условиях.

Занятия проводились в три смены. Первая смена начиналась затемно рано утром, третья смена заканчивалась затемно вечером. Учебниками были обеспечены все, и тетради были еще в достатке и такими как надо: и в косую линейку и в клетку.

После окончания третьего класса закончилась моя учеба совместно с одноклассницами - девочками.

Во все годы учебы в школе мне не припоминается, чтобы в нашем классе среди учеников возникал вопрос: кто какой национальности. Это не имело абсолютно никакого значения, в пределах школы. Но значение принадлежности к определенной национальности на условия жизни с началом войны неожиданно коснулись меня очень даже. К осени 1941 г. в Уфу стали в большом количестве прибывать, наши граждане с оккупированных немцами территорий. Самых разных национальностей. Резкое увеличение населения, требующего трудоустройства, непосредственно коснулось и сотрудников детского дома, в котором трудилась моя мама. Много лет работавшая заведующей «Пионерской коммуной» была уволена. С какой мотивировкой – сейчас трудно предположить. На эту должность была назначена эвакуированная. По национальности еврейка. При полуголодном бытии большинства ввиду хронической нехватки продуктов питания, еще недавно низкооплачиваемая непрестижная работа повариши в детском доме, неожиданно стала в широком смысле слова теплым местом. Мать была глубоко верующим человеком, фанатично честным человеком Она верила в бога и не могла допустить мысли, что можно обкрадывать и без того скромные причитающиеся детишкам коммуны еду. То ли через полгода, точно не знаю, мама была мобилизована на работу в паровозоремонтный завод, разнорабочей. Очевидно, не без участия новой заведующей.

Поколение победителей.

Труженик тыла Ибрагимова Амина Адракиповна

**. В 1942-1943 гг. коллектив паровозоремонтного завода г.Уфы
построил и отправил на фронт четыре бронепоезда:
«Александр Невский», «Полководец Суворов», «Салават Юлаев» и
«Уфа»**

Маме тогда было сорок лет. Далеко не молодая женщина. Разнорабочие выполняли физически самые тяжелые работы. Работа маме доставалось очень тяжело. По - справедливости на этих тяжелых работах должны были участвовать и эвакуированные независимо от их национальной принадлежности. Сейчас, через семьдесят лет я попытался определиться: а не ошибочное ли тогда сложилось мнение. Мне удалось отыскать УКАЗ о мобилизации:

УКАЗ
от 13 февраля 1942 года

**О МОБИЛИЗАЦИИ НА ПЕРИОД ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
ТРУДОСПОСОБНОГО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДЛЯ РАБОТЫ
НА ПРОИЗВОДСТВЕ И СТРОИТЕЛЬСТВЕ**

В целях обеспечения рабочей силой важнейших предприятий и строек военной промышленности и других отраслей народного хозяйства, работающих на нужды обороны, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Признать необходимым на период военного времени мобилизацию трудоспособного городского населения для работы по месту жительства на производстве и строительстве, в первую очередь в авиационной и танковой промышленности, промышленности вооружения и боеприпасов, в металлургической, химической и топливной промышленности.

2. Установить, что мобилизации для работы на производстве и строительстве подлежит трудоспособное городское население в возрасте: мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет из числа не работающих в государственных учреждениях и предприятиях.

3. От мобилизации освобождаются:

а) лица мужского и женского пола в возрасте от 16 до 18 лет, подлежащие призыву в школы фабрично - заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища, согласно контингентов, устанавливаемых Совнаркомом СССР;

б) женщины, имеющие грудных детей, а также женщины, имеющие детей в возрасте до 8 лет, в случае отсутствия других членов семьи, обеспечивающих уход за ними;

в) учащиеся в высших и средних учебных заведениях.

4. Порядок, сроки и размеры мобилизации трудоспособных граждан для работы на производстве и строительстве определяет Совет Народных Комиссаров СССР.

5. Установить, что лица, уклоняющиеся от мобилизации для работы на производстве и строительстве, привлекаются к уголовной ответственности и подвергаются по приговору народного суда принудительным работам по месту жительства на срок до 1 года.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
М.КАЛИНИН

Секретарь Президиума

*Верховного Совета СССР
А.ГОРКИН*

В пункте 2 УКАЗа сказано: «... мобилизации для работы на производстве подлежит трудоспособное городское население в возрасте: мужчины от 16 до 55 лет и **женщины от 16 до 45 лет из числа не работающих в государственных учреждениях и предприятиях**». Как сейчас мне представляется, детский дом был **государственным учреждением**, и мама под действие УКАЗа непосредственно не попадала. И наверно, заведующая, «эта еврейка» использовала ситуацию, чтобы заменить человека именно с этого рабочего места. Истину сложно уже восстановить. Но, по справедливости, эвакуированные, независимо от их национальности, также должны были принимать участие в нелегких работах на оборонных предприятиях.

Насколько тяжелыми были условия работы мобилизованных и под каким дамокловым мечом они постоянно находились, можно представить ознакомившись с соответствующими УКАЗами:

*«Для всех рабочих и служащих предприятий, так и для отдельных цехов, участков и групп рабочих и служащих **обязательные сверхурочные работы продолжительностью от одного до трех часов в день**. (Указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1941 г. "О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время").*

Самовольный уход с работы, независимо от причин, рассматривалось как дезертирство. *Лица, виновные в самовольном уходе (дезертирстве), карались тюремным заключением на срок от пяти до восьми лет. (Указ Президиума ВС СССР от 26 декабря 1941 г. "Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий", ВВС СССР. 1942. N 2).*

Источники информации:

- Серегина Л. В. Трудовое право в годы Великой Отечественной войны. "Журнал российского права", 2010, N 8 [электронный ресурс]// Юридический портал Center bereg [сайт], URL: <http://center-bereg.ru/n1381.html> , (дата обращения 07.01.2020 г.);

- Сост.: Кузьменко Д.Г., под. ред. Ляпин А.П. Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны (22 июня 1941г. - 05 января 1944 г.), М., 1944 [электронный ресурс]//Юридическая научная библиотека издательства "СПАРК", [сайт], URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie6339.html> (дата обращения 07.01.2020 г.).

Мама уходила на работу в шесть часов утра. Добиралась до паровозоремонтного завода пешком. Это очень приличное расстояние. Трамваи были редкими и переполненными. Опоздание на работу более чем на пять минут каралось настолько сурово, что последствия опоздания могли

грозить вплоть до уголовного. Было тяжело, но приходилось добираться до работы пешком. Рабочий день длился двенадцать часов. Возвращалась домой после восьми часов вечера. И это изо дня в день. Этот режим на износ человек не мог выдержать долго, а системы периодической смены людей на изнурительных тяжелых работах не было.

В 1943 году (точную дату не помню) вместо выехавших, к нам на квартиру подселили новую семью эвакуированных. Семья и по внешности и манере речи на своеобразном русском (например: «Ну я Вас уж умоляю») с неожиданным переходом на идиш, по нашим понятиям была ярко выраженная еврейская. Вероятность подселения евреев была невелика. Как иногда выражаются «наверно это была судьба».

Семья состояла из пяти человек. Глава – Шустер Григорий Антонович, супруга полнотелая тетя Софа, отец главы- дед Антон с броским носом на лице, дочь по возрасту моложе меня и малолетний сын. В комнате, которую они занимали (около 12 кв. метров), место для кровати деда не выкраивалось. Кровать деда поставили в комнату, где размещались мы, то есть мама, моя сестра Наиля и я. Большую часть времени дед проводил с нами. Из кухни теперь стали регулярно идти вкусные запахи, С наступлением морозов привезли две деревянные бочки: с солеными огурцами и солеными зелеными помидорами. Их поставили на площадке лестничной клетки. Признаюсь, я частенько украдкой тащил из бочки соленые огурцы и тут же на морозе съедал эти со льдом огурцы. Я понимал, что это наказуемо, старался не попасться, но угрызений совести не было. Даже и сейчас мне это не кажется воровством.

Откуда- то мы узнали, то ли от деда Антона, то ли от тети Софы: Григорий Антонович ведал снабжением исправительных трудовых лагерей и колоний Башкирии. Если я правильно помню, был он в звании капитана. Тетя Софа и дед Антон большую часть времени были дома. В первое время меня они попросту не замечали, я для них не существовал: татарский полунищий сопляк из параллельного мира. Но со временем стали относиться благожелательно. А с дедом Антоном вообще установились добрые отношения.

А вот с мамой у всех у них были по-настоящему уважительные отношения. Хотя домой она приходила поздно, а уходила в рань. Через полгода или год, то ли благодаря тете Софе или еще благодаря чему- то, да это и неважно, Григорий Антонович помог маме облегчить тяжкое выпавшее на нее бремя. Наверно, из сочувствия. Исключительно благодаря Григорию Антоновичу мама освободилась из оков мобилизации. Мама вспоминала Григория Антоновича добрым словом. И пресекала недобрые слова, сказанные при ней по отношению к евреям. Одна из философских категорий утверждает: движущей силой в обществе является единство противоречий. Благодаря одной представительнице еврейского сообщества, на маму обрушились очень тяжелые годы в ее жизни. А другой её представитель, помог маме выйти живой из оков этого периода. Мама прожила трудную

жизнь. Рано потеряла родителей. Пережила тяжелейшие годы двух мировых войн. В постреволюционную разруху сумела довести до совершеннолетия младшего брата и сестер. В тридцать с небольшим лет похоронила любимого мужа. Воспитала троих детей. Благодаря маме все они получили образование. И все это она одна. Жизнь каждого человека развивается и приходит к финишу своим путем. Будучи самой старшей, мама из жизни ушла самой последней, Ей выпало пережить еще смерть младшего брата и младшей сестры. Умерла в преклонном возрасте и ясном уме, до последнего не доставляла близким тяжкое бремя по уходу. Может потому, что была она добрым человеком.

С деревянным ветхим зданием, где до войны функционировала детская техническая станция и продолжавшая так и называться, во время войны, мне довелось быть связанным еще дважды.

Меня, уже на пенсии, молодые люди, с которыми я трудился на последнем месте работы, как – то спросили: «Что для Вас было самым тяжелым в годы войны»? Тяжелые были годы. Но наиболее долговременным и противным было чувство постоянного голода, непрерывно днем и ночью в течение всех лет войны. Я не мог представить: как это может быть, что не хочется кушать? Но особенно голодным в Уфе был сорок четвертый год. Если у кого-то были какие-то запасы, то к этому времени они у всех иссякли. Всем работающим выделялись за городом несколько соток земли, на которых сажали картошку. Картошки, что мы выкапывали с участка, у нас хватало примерно до февраля. Где-то в конце сорок третьего была сокращена норма хлеба, выдаваемая по карточкам: иждивенцам с четырехсот грамм на нос до трехсот грамм в день. Другие продуктовые карточки, как тогда выражались, не отоваривались. Голод был реальностью. Как-то кто-то из знакомых ребяташек поделился со мной. В детской технической станции (ДТС) начинает работать мастерская по ремонту обуви. Нужны мальчишки. Прямо на другой день с одноклассником пошли на разведку. Разговаривали с довольно молодым, недавно выписавшимся из госпиталя худощавым фронтовиком. По нашему виду он сразу определил: эти одиннадцатилетние пацаны никогда сапожным делом не занимались. Он нам объяснил: будете подшивать валенки. Работать полдня. Получите рабочие карточки на хлеб. Работа не сложная, но относиться к работе добросовестно. Согласны? Конечно, согласны (это же вдвое больше, чем сейчас). В какую смену учитесь? Во вторую? Когда можете начать работать? То ли с пятнадцатого числа, то ли с первого следующего месяца (не помню), как только будет на Вас оформлена рабочая карточка, выходите на работу. В назначенный день мы с утра были на месте. В помещении мастерской в углу стояла кирпичная печка. По очереди утром кто-нибудь из нас приносил дрова и затапливал печку. Через несколько дней наш солдат - фронтовик дал нам ключи от двери, ведущей в смежное помещение. Там стояли многочисленные клетки с разнообразными птицами. Больше всего на меня произвели впечатление хищные птицы с искривленными клювами и ярким оперением. Орлы - решил

я. В клетке лежали куски мяса. Помещение было неотапливаемым. Напротив, в пустой запертой клетке в глубине лежала гора мерзлой картошки. Наш руководитель сказал, где лежит приспособление вроде кочерги, с помощью которой надо вытащить несколько картофелин по одной штуке на каждого. «Не больше, зверей не надо обижать». И испечь в печке. Когда наша смена заканчивалась, нас заменяли ребяташки, учившиеся в первую смену.

Три месяца изо дня в день, кроме воскресения, с утра бежал и осваивал первую свою рабочую профессию. Валенки были взрослого размера. А мы дистрофичные и малорослые. Из-за валенок нас и видно не было. Тем не менее, подшивать валенки мы приноровились, и бывший солдат-фронтовик даже как-то отозвался о нас одобрительно. Деньги нам не платили, да они тогда практически ничего не стоили. Весной выдачу рабочих карточек для мастерской - малолеток отменили. Но хлеб с рабочей нормой помог пережить три с лишним наверно самых голодных зимних месяца сорок четвертого. А сапожное ремесло мне пригодилось впоследствии. Когда работал в экспедиции, мы новые рабочие ботинки подбивали материалом из изношенных автомобильных покрышек. Иначе ботики изнашивались менее, чем за месяц маршрутов в горах

Еще раз с этой ДТС я соприкоснулся уже в сорок пятом году после окончания войны. Там начали работать, как до войны, нормальные кружки по интересам. Мы с товарищем записались в авиамоделный. Руководитель кружка разделил всех ребяташек примерно пополам. Я попал в число тех, кому предстояло собрать моторчик для модели. Подробно объяснял, что мы должны будем делать. В конце занятий руководитель кружка, обращаясь ко всем сказал: «Контакты распределителя зажигания горючей смеси изготавливаются из стойкого к окислению металла. В наших условиях самым подходящим для этой цели является серебряная монета – «полтинник». Посмотрите дома или спросите у товарищей, может сумеете найти». Из Уфы тогда ходил один лишь поезд, на который можно было сесть без оформления специальных пропусков – это «Уфа-Чишмы». Тогда и зародилась поговорка: «Деньги есть - Уфа гуляем, денег нет - Чишмы сидим». Когда совсем уж было есть нечего, мама брала что-нибудь пригодное для использования в деревне и ехала в свою родную деревню, где еще жили ее давние родные. Эти деревни были на расстоянии более десяти километров от Чишмы. Оттуда мама пешком на своих плечах несла до станции все, что ей удавалось достать, вплоть до мешка с картошкой. Только благодаря непосильным усилиям мамы, мы и выжили. Все, что у нас было хотя б чуточку ценное, во время войны мама променяла, на что уж повезет, съестное. Какие там серебряные монеты. Материалы для изготовления деталей для моторчика постоянно были в недостатке. Дела продвигались туго. В общем, еще далеко до поры, когда должен был быть собран моторчик, настрой у меня изменился. В какой-то момент пропала надежда своими руками сотворить работающий мотор. В итоге, я этот кружок бросил и больше в ДТС не ходил.

Сейчас, оглядываясь понимаю: это было закономерно.

С сентября 1943 г., начиная с четвертого класса, меня и моих одноклассников перевели в «мужскую среднюю школу №10 Ленинского района г. Уфы БАССР». Так эта школа именуется официально в свидетельстве, выданном мне после окончания семи классов в 1947 г. Поскольку в то время в здании школы №10 размещался госпиталь для раненных фронтовиков, в следующий учебный года мы стали заниматься в здании татарской школы №2, где для нас была выделена часть этого здания. Сейчас в этом здании находится хореографическое училище.

ул.Свердлова 38. Башкирское хореографическое училище им. Рудольфа Нуреева

Снимок здания школы №10 в сегодняшнем виде приведен на фотографии. Во время войны, почти до ее окончания, в здании школы был размещен госпиталь. А мы в этом здании стали заниматься, я не помню точно, то ли с пятого, а скорее с шестого класса, то есть после окончания войны. Учились, наверно, в третью смену. Я хорошо помню, после занятий мы шли домой в темное время суток. Семилетку я закончил именно в школе №10.

ул. Зенцова 51 - Чернышевского, 50. Школа №10

Так сложилось, что большую часть своей жизни я прожил вне пределов Российской Федерации. И с той школьной поры у меня ничего материального, абсолютно ничего, не сохранилось. Спустя много - много лет, уже после того, как не стало мамы, я вернулся в Уфу. Я с детства знал, мама ценные для нее реликвии хранит на дне древнего, времен НЭПа, окованного металлическими уже проржавевшими полосками, сундуке.

Прошло пятьдесят лет. После возвращения, в нашем бывшем семейном доме на дне этого сундука мы увидели бережно завернутый сверток. Там были ценные для мамы реликвии, в том числе, аттестат об окончании мною семилетней мужской школы №10. Сохранить его в течение полувека могла только мама. Дорогая моя мама. Сейчас с далекой довоенной поры, про которую что-то еще сохранила память, минуло восемьдесят с лишним лет. На нечетной стороне улицы Аксакова, на отрезке между улицами Пушкина и Фрунзе, все древние дома снесены, теперь там современные многоэтажные дома. Деревянные дома на четной стороне улицы за прошедшие сто лет стали лишь более древними и дряхлыми. В остальном, время не смогло что-то существенно изменить. И когда мне довелось недавно войти во двор своего детства и юности – изношенное временем сердце сбилось с ритма и невольно заставило положить руку на грудь и помассировать. Был теплый солнечный день, синее небо, нетоптаная зеленая - зеленая трава и безлюдный двор. Как и в то запавшее в душу время. Невозвратное. Затем пошел по соседним дворам, где когда то жили мои друзья. Вот в этом дворе жил Анатолий (Как мы его звали – Толян) Образцов. С ним вместе мы отнесли документы для поступления в техникум. Этот техникум и окончили. Вместе ходили на танцы в сад Луначарского. И вообще много куда. Его двоюродная сестра красавица Кира играла на гитаре и иногда мы под гитару пели душевные песни. Знакомая лестница. Позвонил в квартиру. Отозвалась

незнакомая женщина. «Нет, она не знает Анатолия, Бориса и других Образцовых, которые когда-то жили в этой квартире». В адресном бюро мне дали справку Анатолий Образцов умер в возрасте шестидесяти лет. И год его смерти. Зашел в следующий соседний двор. Там жил А. Леонтьев. Сразу после окончания десяти классов уехал учиться в Ленинград в Финансово-экономический. Возглавлял Монетный двор. Дальнейшая судьба его мне неизвестна. В квартире, в которой он проживал в Уфе, о нем никто ничего не знает. А в этом дворе жил Владик Куприянов. Талантливый парень. Еще в то время, когда использовались лишь сигнальные ракеты, он конструировал и запускал во дворе ракеты, движимые горячей киноплёнкой. Жильцы в бывшей его квартире о нем никогда ничего не слышали. Аналогичный результат был и в других моих изысканиях. Как будто этих людей никогда и не было. Поколение уходит. Уже ушло. А я как глиняный черепок, случайно сохранившейся в культурном слое той поры.

Вместо послесловия.

Николай Рубцов «Тихая моя родина!...»

(источник: URL: <https://rupoem.ru/rubcov/tixaya-moya-rodina.aspx>)

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена.
Детские годы прошли.

Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.
Тихо ответили жители:
- Это на том берегу.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!
Время придет уезжать -
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

ИБРАГИМОВ С.З.

2015 год. Июнь. Теплый солнечный день. Синее небо. Зенит лета.
Восемьдесят третьего по счету. Может не последнего. А может и нет.

Это свидетельство мне выдали после окончания седьмого класса.

Рефер

Министерство Просвещения

СВИДЕТЕЛЬСТВО

НАСТОЯЩЕЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫДАНО Уроженцу
Салмму Димматскому
(Фамилия, имя и отчество)

РОДИВШЕМУСЯ В 1932 ГОДУ, В ТОМ,
ЧТО ОН ОБУЧАЛСЯ В СЕМИЛЕТНЕЙ ШКОЛЕ

г. Уры
Ленинского р-на БССР ОКОНЧИЛ
(район и краевая область СССР)

ПОЛНЫЙ КУРС ЭТОЙ ШКОЛЫ В ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ
СОРОК седьмом ГОДУ И ОБНАРУЖИЛ
ПРИ отличном ПОВЕДЕНИИ СЛЕДУЮЩИЕ ЗНАНИЯ:

ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРНОМУ		
ЧТЕНИЮ	<u>хорошо</u>	4
ПО АРИФМЕТИКЕ	<u>отлично</u>	5
ПО АЛГЕБРЕ	<u>отлично</u>	5
ПО ГЕОМЕТРИИ	<u>отлично</u>	5
ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ	<u>отлично</u>	5
ПО ИСТОРИИ	<u>отлично</u>	5
ПО КОНСТИТУЦИИ СССР	<u>отлично</u>	5
ПО ГЕОГРАФИИ	<u>отлично</u>	5
ПО ФИЗИКЕ	<u>отлично</u>	5
ПО ХИМИИ	<u>отлично</u>	5
ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (<u>английский</u>)	<u>отлично</u>	5

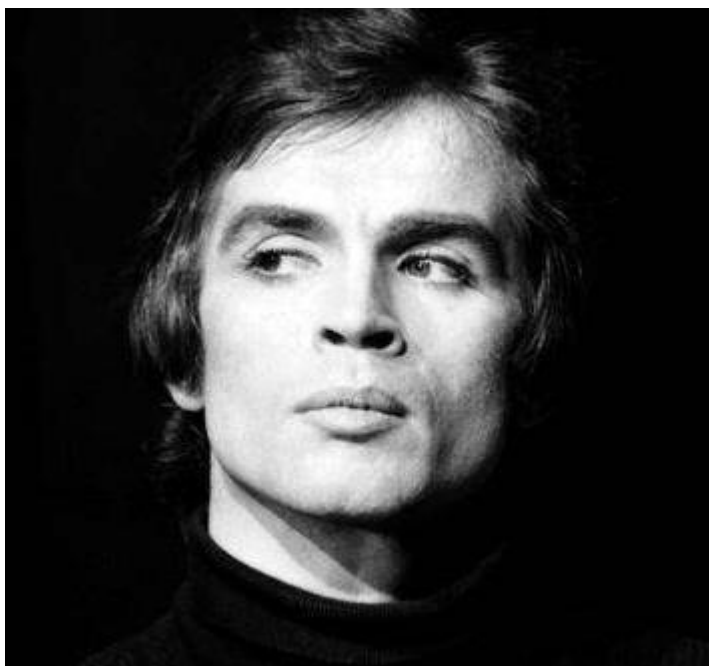
32
20.11.1947 года

ДИРЕКТОР ШКОЛЫ

УЧИТЕЛЯ:

Васильев
Васильев
Васильев
Васильев

Звезда с соседней улицы

Несомненно, самой большой знаменитостью с соседней с нашей улицы стал Рудольф Нуриев. Впервые о Рудольфе Нуриеве я услышал в 1961 году от своей тети Хабиры-апа, которая в рядах Красной (Советской Армии) прошла всю отечественную войну «от звонка до звонка». В ряды ВКП(б) (с 1952 г. КПСС) вступила в тяжелейшие годы войны и очевидно не ради карьерных или других корыстных интересов. Идеи социализма она защищала с риском для жизни.

О перебежке Нуриева она узнала раньше публикации в открытой печати. Работала она в то время в Башсовпрофе. Ее реакция была болезненной и немногословной: «Ну, как он мог пойти на это?».

Моя реакция была однозначной: «Предатель».

Прошло более полувека.

Живу в другой стране: в РФ – СССР в прошлом. Социализм вместе с общественной собственностью ликвидирован. Патриотизм, как и бывшие ценности, ругательные выражения. Живу на рядовую пенсию.

Что же касается Рудольфа Нуриева, то некоторые специалисты на Западе и, у нас с задержкой на два десятилетия, признают его одним из знаменитых танцовщиков 20 века. К концу жизни он стал самым богатым танцовщиком в мире: его состояние оценивалось близким к 80 млн. дол. У меня всегда вызывали интерес люди, сумевшие исключительно своим трудом, без начального капитала, без воровства добиться в жизни чего-то значимого. К тому же, этот случай для меня особый.

Первые шаги в этой жизни у нас прошли в одном и том же географическом, временном и социальном пространстве. Жили мы на соседних улицах, они пришлось на годы войны, в прямом смысле в условиях выживания от хронического голода, и крайней бедности. Какие же такие качества позволили моему знаменитому соседу достигнуть того, чего он добился?

И вообще «А так ли я построил свою жизнь?» Так начался мой экскурс в литературные источники.

Неожиданно для меня оказалось, что Рудольфу Нуриеву посвящено необъятное число публикаций. Ознакомиться, даже поверхностно, с открывшимся океаном информации было нереально – не тот возраст и цель. Ограничился только некоторыми из них, которые затронули меня при случайной выборке из интернета.

Корни Рудольфа Нуриева

Из автобиографии: по отцу он башкир, а по матери татарин [1].

Отец Хамет Фазлиевич Нуриев (1903- 1968)– был родом из деревни Асаново Шариповской волости Уфимского уезда Уфимской губернии. Мать Фарида Аглиулловна Нуриева (Идрисова) (1907- 1988)родилась в деревне Татарское Тюгульбаево Кузнечихинской волости Казанской губернии, после смерти родителей от тифа переехала в Казань к старшему брату[2].

И Фарида, и Хамет происходили из очень бедных крестьянских семей. Если бы не революция, оставаться бы им обоим в батраках до конца жизни.

Советская власть дала Хамету возможность покинуть глухую деревню: начальное образование, полученное в медресе, способствовало продвижению по жизни. Он вступил в партию, сумел стать политруком и по роду службы постоянно переезжал из одного гарнизона в другой. В 1929-м в Казани он познакомился с двадцатидвухлетней Фаридой.

Судя по старым фотографиям, они были красивой парой, к тому же Фарида отлично пела и танцевала. Примерно через год после свадьбы Нуриевы уехали из Казани в село Кушнаренково, и у них родились одна девочка, потом другая, потом третья. Хамету не было возможности постоянно возить за собой семью, поэтому Фарида с маленькими дочерьми часто и надолго оставалась одна. Фарида любила мужа, была смелым и решительным человеком. Когда Хамет получил длительное назначение во Владивосток, она отправилась вслед за ним. С тремя малолетними дочерьми, на последнем месяце беременности. Дорога занимала почти две недели. Далеко не каждая женщина может решиться на это. Когда поезд огибал озеро Байкал, 17 марта у Фарида начались схватки. К счастью, в поезде ехали два военных врача, да и чистые простыни Фарида припасла – так что ее сын благополучно появился на свет[1],[2].

Вагон поезда отнюдь не самое стерильное помещение для роженицы и новорожденного, но матери и ребёнку пришлось еще целую неделю под стук колес находиться в пути.

Возможно необычные условия появления на белый свет сказались на дальнейшей судьбе выдающегося артиста. Во Владивостоке семья прожила недолго: Хамет получил новое назначение – в Москву. Рудольфу только-только исполнилось 16 месяцев. Семейство погрузилось в Транссибирский экспресс. В Москве Хамет получил комнату в двухэтажном деревянном доме у железной дороги.

Хамет Нуриев в первый же месяц войны в звании старшего политрука отправляется на фронт в артиллерийскую часть. Прошел всю войну от участия в обороне Москвы и затем, наступая, до Берлина. Войну Хамет закончил

заместителем командира батальона по политической части в звании майора. Среди его наград - медали «За оборону Москвы» и «За победу над Германией», ордена «Красной Звезды» и «Отечественной войны». Несомненно, это был храбрый солдат, и судьба хранила его в той страшной войне.

В начале августа 1941 года, Фарида с детьми и семьями других военнослужащих эвакуировалась в Челябинск, затем в деревню, а в 1942 г. в Уфу. «Ледяной холод, тьма и прежде всего голод» – такой запомнилась Рудольфу Нуриеву жизнь в Уфе.

Когда становилось совсем голодно, Фарида выбирала из сохранившихся вещей нечто мало-мальски ценное и шла на базар – менять вещи на продукты. Фарида отнесла на рынок почти все носильные вещи мужа: она не знала, увидит ли его когда-нибудь. Продукты в магазинах выдают только по карточкам: 400 граммов хлеба на человека, а приобрести что-либо на базаре не позволяет нужда. Она продает все, что можно - швейную машину, вещи Хамета, но и это не спасает.

Постоянная нехватка еды вынуждает ее иногда в воскресные дни пешком идти в деревню Асаново к родственникам мужа, чтобы принести оттуда немного картошки. Зимой темнеет рано. Она возвращалась через пустынное поле уже после наступления темноты. На нее напали волки: в тот раз Фарида несла гусятину, и возможно, запах свежего мяса привлек хищников. Она не растерялась: с собой у нее были спички, а на плечах вместо шали – старое одеяло. Она подожгла его и так – огнем – отпугнула стаю.

Хрупкая женщина одна, в безлюдном месте, в темноте, в обстановке смертельной опасности мгновенно сумела найти и осуществить единственно возможное спасительное решение.

Способности у Рудольфа Нуриева проявились еще в детском возрасте. В Уфе маленький Рудик ходит в детский сад. В садике воспитатели разучивали с детьми башкирские и татарские танцы. Маленькому Рудольфу шел пятый год. Первый концерт ансамбля состоялся в госпитале, где ребята танцевали перед

ранеными солдатами. Они даже попали в киножурнал, который показывали в кинотеатрах Уфы перед началами сеансов.

Перед новым годом (Рудик идет восьмой год) мать ведет четверых детей в оперный театр на балет «Журавлиная песня» с участием Зайтуны Насретдиновой, которую и в зрелом возрасте Нуреев считал замечательной балериной. Причем им удается проникнуть в театр с одним билетом. Рудик впервые в театре, и все здесь его поражает: зал с балконами, кресла, обитые бархатом, оркестр, настраивающий свои инструменты. Гаснет свет, звучит музыка, поднимается занавес, и ждущая чуда душа ребенка уносится в сказочную высь. Постановка оказывает огромное влияние на впечатлительного мальчика: «Со мной что-то произошло, из своего одинокого мира я перенесся прямо на небеса. Я потерял дар речи», - позднее вспоминает он.

Лето 1946 года. Возвращается из армии отец. Наконец, семья получает собственное жилье в одноэтажном деревянном доме по улице Зенцова (дом № 37).

С отцом, вернувшимся с фронта, отношения складывались тяжело. Хамет хотел видеть в мальчике маленького мужчину, будущего солдата и не мог найти в сыне ни одной черты, которая соответствовала бы его собственным мечтам. Он взялся за воспитание мальчика сам, но это не привело ни к чему, кроме окончательного отчуждения Рудика. С момента возвращения Хамета Нуриева в семью его взаимоотношения с сыном приняли характер непрекращающейся борьбы, причем мальчик уступать не собирался. В конечном итоге отец потерпел поражение.

Не лучше шли дела и в школе. С первого же класса Рудольфа невзлюбили одноклассники за его непохожесть на них, за то, что его интересы были иными. Что любопытно, и возмущенный танцевальными склонностями сына отец, и одноклассники прозвали Рудольфа «Балериной». Презрительное прозвище стало пророческим. Отметки Нуриева от класса к классу становились все хуже, характер — все строптивее и задиристей.

В 1948 году старшая сестра Рудольфа Роза привела его в Дом учителя к Анне Ивановне Удальцовой, у которой и сама занималась. Профессиональная

балерина Удальцова еще до революции в составе знаменитой труппы Дягилева разъезжала по всему миру, выступала с Павловой, Карсавиной, дружила с Шаляпиным. Интеллигентная, образованная женщина, она свободно владела тремя языками. Своих учеников обучала не только танцу, но приобщала к музыке, литературе. Кроме того, она была душевным человеком, и доброта ее преображала всех, кто с ней общался.

Тогда все жили трудно. Ели в основном картошку и хлеб, поэтому дети приходили в танцевальный кружок с вздутыми животами, вызывая недовольство наставников. Несмотря ни на что, город был театральным. Своя опера, свой балет. Театр не просто центр культуры, это было место встреч, общения, радости. Для детей таким центром притяжения был Дом пионеров. Масса кружков, прекрасные педагоги, доброжелательная, творческая атмосфера. Танцевальный кружок, где занимался и Рудик Нуреев, вели Елена Константиновна Войтович и концертмейстер Ирина Александровна Воронина – настоящие специалисты своего дела и замечательные люди. Они много сделали для развития балетных и музыкальных способностей Рудольфа, для более полного раскрытия его индивидуальности. Их ученики разъезжали с концертами, и впервые Рудик познал счастье выступления перед публикой, радость признания.

В 1953 году при башкирском театре оперы и балета открылась балетная студия.

Здание Башкирского театра оперы и балета, г.Уфа, фото из [3]

Зал Башкирского театра оперы и балета, фото из [3]

Фойе Башкирского театра оперы и балета, фото из [3]

Преподавала здесь Зайтуна Нуриевна Бахтиярова. Некоторые уроки вел сам главный балетмейстер Виктор Гансович Пяри.

Тогда же он начинает выступать в балетной труппе в качестве статиста. Заработок невелик - 10 рублей, но, наконец, он выходит на настоящую сцену. Студия готовила в основном артистов кордебалета, но Рудольфу доверялись небольшие партии. В общем-то, он был оформлен как артист балета и получая небольшую зарплату. Десятый класс заканчивал в школе рабочей молодежи. К последнему году учебы в Уфе его высшей оценкой стала «тройка».

Зайтуна Насретдинова ходила в Министерство культуры, хлопотала, чтобы Нуреева направили на учебу от республики, то есть, чтобы Башкирия взяла на себя финансовые расходы (питание, проживание в интернате). И она добилась этого. Продолжила традицию, которая началась с нее самой: в 1934 году Зайтуна Агзамовна первой поехала от Башкирии в Ленинградское училище.

В конце лета полный надежд Рудольф Нуреев едет на учебу в Ленинградское хореографическое училище. Здесь 25 августа 1955 года на окончательном просмотре, который проводила славившаяся строгостью Вера Костровицкая, «лучшая из женщин-педагогов России», он получает ее, ныне широко известное, заключение: «Молодой человек, либо Вы станете блестящим танцовщиком, либо потерпите полный крах. Скорее всего, полный крах!»

Его зачислили в шестой класс, который вел сам директор училища Валентин Иванович Шелков из-за постоянных нарушений дисциплины встал вопрос о том, продолжать ли ему обучение или нет. Причин для его исключения действительно хватало: Нуриев игнорировал дисциплину и распорядок, принятые в училище— он делал то, что хотел. Никогда не пропуская занятий танцами, он частенько прогуливал общеобразовательные предметы, исчезал из училища по вечерам, что запрещалось правилами. Неудивительно, что большинство однокурсников и преподавателей относились к нему с настороженной неприязнью.

В том году его партнершей становится Алла Сизова, талантливая, красивая балерина, обладающая парящим прыжком. Они готовят па-де-де Дианы и Актеона из балета «Эсмеральда» и исполняют его на отчетном концерте в июне 1957 года.

В 1958 году двадцатилетний Нуриев участвовал в конкурсе артистов балета в Москве. С партнершей Аллой Сизовой он показал па-де-де из балета «Корсар».

В то время каждую весну в Москве проходили выступления лучших учеников балетных школ страны. В апреле 1958 года на этом смотре молодых творческих сил ленинградскую школу доверили представлять Алле Сизовой, Маргарите Алфимовой, Наталье Макаровой.

На выпускных экзаменах в июне того же года Рудольфа ожидает еще один триумф. Балерина Кировского театра Вечеслова в газете «Вечерний

Ленинград» писала: «...наибольший успех выпал на долю Аллы Сизовой и Рудольфа Нуреева».

После окончания училища Рудольфа приняли в труппу Кировского театра. Он не танцевал маленькие партии, не танцевал в кордебалете, хотя в театре было принято, что первый год все должны танцевать там. Он сразу стал солистом. Его партнершами были знаменитая Дудинская, Шелест, Кургапкина, Колпакова. С Аллой Сизовой они стали лауреатами Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Вене в 1959 году -завоевали первую премию и золотую медаль.

Алле Сизовой тогда было двадцать лет. На год больше - ее экспрессивному партнеру Рудольфу Нуриеву. Были все предпосылки для блистательной карьеры этой пары. Однако настораживал тяжелый неуравновешенный характер Рудольфа. Возможно, с целью смягчения и нейтрализации взрывных проявлений, было решено использовать влияние интеллигентной

Аллы.

Алла Сизова. Кадр из фильма-балета "Спящая красавица", фото из [4]

Первое время Рудольф жил в общежитии, но уже в том же году получил комнату в двухкомнатной квартире. Его соседкой по квартире стала Алла Сизова.

Администрация еще надеялась, на благоприятное развитие событий. Необходимо учитывать, что вселение двух квартиросъемщиков в одну изолированную квартиру было нормой для послевоенного Ленинграда. В данном случае молодых симпатичных и разного пола, но оснований для досужих пересудов не было. Однако Рудольф среагировал неожиданно болезненно: «Они думают, что я на ней женюсь. Никогда».

Рудольф не был джентльменом. Настоящий мужчина должен воздерживаться от публичных высказываний, которые могут задеть самолюбие дамы, а тем более своей звездной партнерши.

Затем Нуриев поселил у себя в комнате приехавшую из Уфы сестру Розу.

Золотая медаль, завоеванная на Всемирном фестивале совместно с Аллой Сизовой, для Рудольфа Нуриева оказалась последней. Их пути по жизни разошлись навсегда.

Сложись между Рудольфом и Аллой нормальные добрые отношения, судьба и самого Нуриева могла стать иной.

Весной 1961 года Кировский театр планировал гастрольную поездку в Париж и Лондон. Поездку, разделившую жизнь РН на советский период и весь последующий. Но сейчас даже при внимательном ретроспективном взгляде с позиций рядового советского человека последующие события вряд ли можно отнести к предсказуемым.

По советским меркам, Нуриев был очень благополучным артистом: Нуриева направили на учебу в Ленинградское хореографическое училище от республики, то есть Башкирия взяла на себя финансовые расходы (питание, проживание в интернате). В 20 лет он окончил лучшее в Союзе училище. Затем был сразу же зачислен солистом в Кировский театр с очень приличной по тогдашним меркам зарплатой: зарплата Рудольфа составляла 250 рублей. Для сравнения: молодые специалисты после окончания ВУЗа получали на производстве 100-110 рублей. Много гастролировал за рубежом. Его партнершами были знаменитая Дудинская, Шелест, Кургапкина, Колпакова.

Ему и балерине Алле Сизовой партком выделил одну двухкомнатную квартиру на двоих, что даже с позиций сегодняшнего дня для начала, пожалуй, неплохо.

И вот 11 мая 1961 г.- аэропорт, самолет, Париж. Отель «Модерн», театр «Пале-Гранье».

Понятно, что перебежка Рудольфа Нуриева во враждебный лагерь, на Западе именуемая «прыжок к свободе», у себя на родине не просто выглядела непонятной, но большинством советских людей практически единодушно была расценена как предательство.

Существует много версий описания этого действия. Одна из них изложена в автобиографии самого Рудольфа Нуриева, которая была написана им в неполных двадцать четыре года, очень хорошим языком. Редактор автобиографии Александр Блэнд обладал весьма высокой квалификацией. Вот как происходил процесс написания книги: «Беседы велись вначале по-русски. Их переводили на английский, который в то же время самому ему (Рудольфу Нуриеву) был еще очень мало знаком. Нелегко передать все оттенки первоначально сказанного слова». Интересна ремарка Александра Бленда: «Хотя он (Рудольф Нуриев) исключительно живой, наблюдательный и наделен даром острой фразы, но сам он без сопротивления, вероятно, никогда бы не написал ничего больше, чем почтовую открытку». Итак, из автобиографии /1/:

«В это утро я вернулся после бессонной ночи домой в отель, где остановилась наша труппа. Было около 7 часов утра. Когда я прибыл в отель Модерн, перед ним уже стоял хорошо знакомый мне голубой автобус. У меня не оставалось времени на завтрак. Я вбежал наверх, чтобы уложить свои вещи, через час вся труппа Кировского балета была уже на пути к аэродрому.

Я уже объяснял, что мы ничего не делали поодиночке. Так почему же наш староста Валентин Богданов вдруг начал раздавать каждому его

отдельный билет на полет в Лондон? И почему он вручил его мне первому? В тот момент я не понял значения этого и не обратил на него особого внимания.

Мы прибыли на Ла Бурже, прошли через таможню и собирались начать посадку в самолет, когда Богданов опять без всяких объяснений начал собирать билеты. Это выглядело бессмысленно, если не сказать по-детски. Вдруг мне инстинктивно стало ясно, что это касается именно меня и должно случиться нечто ужасное. Этот сложный маневр был придуман только для того, чтобы доказать мне, что у меня тоже есть билет в Лондон. Но зачем надо было приводить все эти доказательства, когда я и без того уже ехал? Эта ложная сцена была разыграна, чтобы вызвать во мне чувство безопасности. Естественно, она возымела только обратное действие. Я больше не сомневался - мне не хотят позволить ехать дальше с остальной группой и ничто не может это предотвратить.

Я пришел в бар, чтобы в последний раз выпить с несколькими моими французскими друзьями, которых попросил проводить меня. Среди них был парижский импрессарио Кировского театра Жорж Сория и танцовщик парижской оперы, с которым я провел много свободного времени и который многое показал мне в Париже. Другим моим близким другом была Клара, прекрасная чилийка, но ее я просил не приходить на аэродром. Именно с ней я прогулял по Парижу всю предыдущую ночь. Расставаясь, я с удовольствием узнал, что уже следующим рейсом после меня она летит в Лондон. В баре находились также журналисты, поджидавшие нас, и один газетный критик, чьи статьи о Кировском балете и обо мне были среди небольшого числа мною воспринимаемых, которые я читал во французской прессе. Позднее я узнал, что приходил он специально ради меня. И позднее или, вернее, слишком поздно я узнал, что у него был приготовлен мотоцикл с включенным мотором, стоявший прямо против выхода, готовый увезти меня после того, когда

он стал свидетелем следующей сцены. В это время труппа начала посадку на самолет, а ко мне подошел Сергеев и улыбаясь сказал: "Рудик, ты сейчас с нами не поедешь, ты догонишь нас через пару дней в Лондоне". Мое сердце остановилось. Он продолжал: "Ты должен танцевать завтра в Кремле, мы только что получили об этом телеграмму из Москвы. Поэтому, мы сейчас тебя покинем, а через два часа ты вылетишь на ТУ". Я почувствовал, как кровь отхлынула у меня от лица. Танцевать в Кремле! Это было правдоподобно, но я знал, что в действительности - это результат трехлетней кампании против меня. Я слишком хорошо чувствовал его приближение. Я точно знал, где я нахожусь, и я знал так же, что означает вызов в Москву. Никогда вновь не ездить за границу. Навсегда потерять место ведущего танцовщика, которое я имел бы через несколько лет. Я был обречен на полную неизвестность. Для меня это было равносильно самоубийству.

Я сказал Сергееву, что я должен пойти попрощаться с другими танцовщиками. Я подумал про себя: "Это конец". Я попросил кого-то позвонить Кларе, чтобы попрощаться с ней. Между тем, двое русских уполномоченных, которые были нашими телохранителями во время нашего путешествия, и которым теперь было поручено доставить меня в Москву, беседовали с Сергеевым у ворот в таможеню. Вдруг я увидел, как один из них поспешил к главному выходу с аэродрома и встал там, загородив дорогу. В это время второй уполномоченный продолжать разговаривать с Сергеевым, и я проскользнул за колонну. И находясь там, я вдруг увидел, как приехала Клара. Ей понадобилось едва ли двадцать пять минут, чтобы приехать с ее квартиры. Я крикнул ей, что принял решение. Это было все, что требовалось ей услышать. Она подбежала к двум полицейским, дежурившим в аэропорту, и сказала им, что внизу находится русский танцовщик, который хочет остаться во Франции. Сергеев и труппа улетели в Лондон. Вторым русским уполномоченным остался один. Клара заметила меня. Я увидел ее на другом конце бара,

странно, но я запомнил его название - "Крылатый бар" - и я бросился к ней. Клара спокойно предложила мне, прежде всего выпить чашечку кофе. Я посмотрел на нее и стоящих неподалеку двух французских полицейских. Я чувствовал желание убежать, однако в течение секунды, которая показалась мне вечностью, мои мускулы стали такими тяжелыми, будто сделанными из свинца. Я подумал, что никогда не смогу сдвинуться с места. А затем я сделал самый длинный, самый волнующий прыжок за всю мою карьеру и приземлился прямо в руки двух полицейских. "Я хочу остаться"- задыхаясь, произнес я - "Я хочу остаться".

Полицейские объяснили мне, что для получения официального разрешения "на убежище", я должен провести в помещении один пять минут, чтобы подумать о своем решении без всякого давления извне. Когда меня отвели в эту комнату, туда пытался ворваться секретарь советского посольства Михаил Клеменов. "Нуриев - советский гражданин"- я слышал, как он говорил с полицейскими - "Вы должны передать его мне". "Но это Франция, мосье, и мосье Нуриев отдал себя под нашу защиту", - гласил ответ. "Тогда дайте мне возможность поговорить с ним", - настаивал Клеменов. "Мосье Нуриев не хочет сейчас ни с кем разговаривать", - ответили ему

В приведенном подробном изложении причина побега заключена в ключевой фразе «Я точно знал, где я нахожусь, и я знал так же, что означает вызов в Москву. Никогда вновь не ездить за границу. Навсегда потерять место ведущего танцовщика, которое я имел бы через несколько лет. Я был обречен на полную безвестность. Для меня это было равносильно самоубийству».

Как и автобиография большинства других знаменитостей, автобиография далека от реальности.

Если заглянуть в историю, в тот период между Советским Союзом и западными странами был разгар холодной войны. И не только холодной.

Незадолго до этого, под Свердловском советской ракетой был сбит американский самолет – шпион, пилотируемый Пауэрсом.

На войне – как на войне.

Во все времена измена Родине считалась преступлением и сурово каралась законом. Тарас Бульба убил за измену своего сына.

Сразу после бегства Рудольфа Нуриева прошло открытое собрание труппы Кировского театра, где артисты единогласно заклеили его как "невозвращенца". А в январе 1962 года состоялся официальный суд над Рудольфом Нуриевым (заочный), на котором его приговорили как предателя Родины к семи годам исправительно-трудовых работ с отбыванием срока в колонии строгого режима. На протяжении многих лет его преследовали анонимными звонками с угрозами, причем особенно часто это случалось непосредственно перед выходом на сцену.

Вот как это звучит на юридическом языке: «Приговором Судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда от 2 апреля 1962 года Нуреев Р.Х. по ст. 64 «а» УК РСФСР с применением ст. 43 УК РСФСР осужден к 7 годам лишения свободы с конфискацией имущества по обвинению в том, что, находясь в гастрольной поездке в составе балетной труппы Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова во Франции, отказался возвратиться из-за границы в СССР».

На фоне угрозы уголовного наказания умозрительные мотивы побега, изложенные в автобиографии, представляются оторванными от суровой действительности.

Вот как описываются эти события другими авторами [5]:

«Нуреев был вынужден эмигрировать вовсе не по тем причинам, которые предлагала стандартная версия «прыжка к свободе». Ему грозила опасность более серьезная, чем просто профессиональная, и более глубокая, чем отсутствие свободы творчества. В опасности оказалась сама его жизнь. Гомосексуальность Нуриева дала врагам козырную карту. Нонконформизм, отказ вступить в комсомол, нежелание одеваться, как все, — это еще не считалось преступлением. Но гомосексуальность преследовалась законом, за нее можно было поплатиться свободой.

В июне 1961 года Рудольф Нуриев вместе с труппой Кировского театра находился на гастролях в Париже, но его неожиданно вызвали в Москву, якобы для того, чтобы танцевать в Кремле. Его подруга миллионерша Клара Сент пришла провожать Нуриева в аэропорт, подошла попрощаться, обняла и прошептала на ухо: "Ты должен подойти к тем двум полицейским и сказать: «я хочу остаться во Франции. Они тебя ждут". Заподозрив неладное, сотрудники госбезопасности начали оттеснять Нуриева, но он вырвался и совершил один из своих знаменитых прыжков, приземлившись прямо в руки полицейских со словами: "Я хочу быть свободным". Репортеры называли это "прыжком к свободе".

"Я принял решение потому, что у меня не было другого выбора. И какие отрицательные последствия этого шага ни были бы, я не жалею об этом", - писал в своей автобиографии Нуриев. Выбора у него действительно не было: КГБ уже давно подозревал его в гомосексуализме, а в Париже тому представились доказательства. Тогдашний председатель КГБ А. Шелепин, в частности, докладывал в ЦК КПСС: "3 июня сего года из Парижа поступили данные о том, что Нуриев Рудольф Хамитович нарушает правила поведения советских граждан за границей, один уходит в город и возвращается в отель поздно ночью. Кроме того, он установил близкие отношения с французскими артистами, среди которых имелись гомосексуалисты. Несмотря на проведенные с ним беседы профилактического характера, Нуриев не изменил своего поведения...".

По некоторым данным, в Париже КГБ специально поселил знаменитого танцовщика в номере с неким Юрием Соловьевым. Его задача была подтвердить нетрадиционные наклонности Нуриева, что Соловьев и сделал. Знаменитому танцовщику грозили семь лет лагерей строгого режима или работа осведомителем КГБ [5].

На протяжении последовавших нескольких недель советское посольство в Париже сотрясали молнии. А европейская публика читала прочувствованные истории про юного гения из города с диким названием Уфа. Который родился в скором поезде, по дороге из Сибири в Башкирию.

Жизнь на западе. Поиски своего места [5]

Через два месяца после побега Нуриев уже танцевал в качестве солиста Интернационального балета маркиза де Куэваса. Выступление вызвало бурную реакцию просоветских сил, забросавших сцену монетами и наполнивших зал театра на Енисейских полях криками «Предатель!». Рудольф Нуриев несомненно был активным человеком. Он не стал ждать, когда жар-птица сама прилетит к нему и подарит удачу. Несмотря на шестимесячный контракт с Куэвасом, Нуриев в конце лета уехал из Парижа и поселился в Копенгагене, главным образом для того, чтобы познакомиться с эмигрировавшей из России преподавательницей Верой Волковой. (Балет маркиза Куэваса - это хорошо, но школа русского балета Веры Волковой - это есть русская школа, классом выше). Профессиональную жизнь Нуриева коренным образом изменил телефонный звонок. Вскоре после его приезда в Копенгаген Волковой позвонила известная балерина **Марго Фонтейн**, которая планировала устроить в Лондоне свой бенефис. Вера, спросила Фонтейн: «Ты не знаешь, где можно найти этого русского парня?» - «Знаю» - ответила Волкова, - «Он сейчас здесь, у меня». Несмотря на успех дебюта на бенефисе Фонтейн в Королевской академии танца в Лондоне и сенсацию, произведенную первыми спектаклями «Жизели» в феврале и марте 1962 года, Нинет де Валуа еще почти в течение целого года колебалась, принять

ли Нуреева в труппу на постоянной основе. Он сам тем временем искал работу, повсюду - и безуспешно. И не только в качества танцовщика. На Западе он совершил поступок, в те годы считавшийся аморальным: сфотографировался обнаженным для журнала "Vogue". Фотография была напечатана на обложке и произвела сенсацию.

Рудольф Нуреев. Фото: Ричард Аведон (Richard Avedon, 1923-2004) для журнала "Vogue". Нуреев был признан самым сексуальным мужчиной в мире [6]

Он был признан самым сексуальным мужчиной в мире. Вероятно, к этому периоду относится приводимая ниже фотография. Фотография размещена на сайте с возможностью открытого доступа [6]. Это дает основание заключить, что при копировании фотографии авторские права кого-либо не нарушаются.

Самый сексуальный мужчина в мире - такая характеристика для молодого человека лучшая, из возможных, реклама. Она порождает здоровый, и не только здоровый, интерес у значительной части потребителей рекламы к его фигуре.

Этот имидж Рудольф Нуриев поддерживал и в дальнейшем. Он первым среди советских артистов стал танцевать в одном трико, причем, как утверждают, и трико, мол, его особенное, слишком прилегающее к «тем самым местам». В Париже, а затем и во всех столицах мира Рудольф Нуриев произвел фурор. Его яркая красота завораживала зрителей. Восточное лицо с высокими скулами, чувственным ртом и горящими глазами.

То, что он, отказавшись вернуться в Москву, стал объектом чуть ли не дипломатического инцидента между СССР и Францией, способствовало формированию интереса к персоне Рудольфа. Реклама в печати и во всех СМИ способствовала созданию ажиотажа вокруг его выступлений до конца жизни.

Но главным было то, что он творил на сцене. Западная публика никогда раньше такого не видела. До него мужчины в балете в основном были лишь статистами, скромным фоном для балерины. Одетые строго, танцоры казались бесполовыми. И вдруг на сцене появился мужчина с невероятной сексуальной энергией во всем теле.

Его грация пантеры действовала на зрителей, словно разряд электрического тока. Каждому зрителю, будь то мужчина или женщина, казалось, что он танцует для него одного. И каждый страстно желал его. Нуриев появлялся на сцене с голой грудью, в почти прозрачном трико. А

коронным его номером было выйти в длинной накидке. Он поворачивался спиной к зрителям и медленно опускал ее, открывая ягодицы безупречной формы. Очевидцы рассказывали, что многие зрители в этот момент испытывали оргазм [7].

Фотография из [8]

Для западных геев появление Нуриева стало праздником. Красивый, богатый, талантливый, Нуриев стал для них королем, героем, который не стыдится своей ориентации.

Обладая бешеным темпераментом, Рудольф давал выход своим страстям в разнообразных оргиях. В печать даже просочилось описание одной из них: «Все участники были причудливо... раздеты: кто в качестве одежды имел лишь ботинок, кто пояс. Нуриев щеголял в колечке на "достоинстве"» [7].

На Западе Нуриев получил все, о чем мечтал: успех, востребованность, творческую свободу и деньги. Он вел жизнь плеябоя, был завсегдатаем ночных клубов и светских раутов. Он довольно много пил, что не мешало ему находиться в прекрасной форме. Яркость, эмоциональность и сексуальность - именно эти основные черты его творчества назывались в первую очередь всеми балетными критиками и зрителями. В области мужского танца он произвел настоящую революцию - и не столько благодаря своей технике, сколько тому необъяснимому впечатлению, которое умел производить.

После того, как Рудольф выступил на ее гала-концерте, руководство "Ковент Гарден" предложило Фонтейн танцевать вместе с ним "Жизель". Марго сначала засомневалась. Она впервые выступила в Жизели в 1937 году, за год до рождения Нуриева, а к моменту его побега из СССР уже пятнадцать лет была звездой. Не будет ли она, сорокадвухлетняя прима, смотреться смешно рядом с двадцатичетырехлетним молодым тигром [9] ?

Для того чтобы танцевать с ним, - сказала Фонтейн, - мне нужно в него влюбиться. Может так и случилось. Она согласилась. И победила.

Для Нуриева эта встреча была необыкновенной счастливой удачей. Марго ввела Нуриева в высший свет, озарила его сиянием своей славы и буквально бросила мир к его ногам. Дальнейшее зависело уже от него самого. А он умел сполна использовать представившийся ему шанс.

Совместная работа обогатила обоих. В танце Фонтейн появились страстность, женственность и воодушевление, чего, по мнению некоторых критиков, ей ранее не хватало. Очень скоро между ними возникло безусловное понимание и непреодолимое влечение друг к другу, которое они так и не сумели объяснить рационально. «Боже! Я никогда не делала в танце и половины вещей, которые делаю теперь», - с удивлением признавалась Фонтейн, говоря о влиянии на неё Нуриева.

Она, в свою очередь, дала ему не меньше. Она была идеальной партнершей, какую только он мог пожелать, когда он выходил из себя, злился, кидался различными предметами и орал, она соблюдала ледяное спокойствие.

Он кричал: «Дерьмо! Дерьмо! Ваш танец дерьмо!» А Марго поворачивалась к нему, улыбалась и говорила сладким голосом:

«Хорошо, расскажите, в чем именно я дерьмо, и, возможно, тогда я сумею исправиться». Рудольфа боялись все, начиная от танцовщиков, заканчивая директорами труппы. Марго всегда смотрела ему прямо в глаза, всегда вежливо улыбалась - сломать ее, вывести из себя, не по силам было даже ему. «У Марго была стальная спина и воля, - говорила ее подруга Мод Гослинг, - и эти качества оставались важнейшими при работе с таким партнером, как нервный и возбудимый Рудольф» [10].

Марго забывает о разнице возрасте, о том, что она добропорядочная жена посла, ей все равно, «что скажут люди». Она рядом с ним на вечеринках, прогулках, в забавах и развлечениях. Во время гастролей в Сан-Франциско они решили после выступления немного погулять по крыше дома. Пришлось пять часов провести в полицейском участке, пока их не освободили под залог.

А танец Нуриева приобрел поэтичность и рафинированность, свойственные Фонтейн. Пара производила потрясающее впечатление на зрителей. Как говорил потом сам Нуриев, публика была захвачена их танцем потому, что они сами были захвачены своей работой. Публика воистину

сходила с ума. Попасть на спектакль с участием этого дуэта было просто невозможно. По воспоминаниям одного из сотрудников концертного бюро, устраивавшего гастроль Королевского балета в Америке, это была настоящая истерия.

Их выступление привело публику в безумие. Чувственный пыл Нуриева стал идеальным контрастом выразительной чистоте Фонтейн. Они сливались в едином танцевальном порыве, и, казалось, их энергия и музыкальность имеют один источник. Когда занавес закрылся, Фонтейн и Нуриева вызывали на поклоны двадцать три раза. Под грохот аплодисментов Фонтейн вытащила из букета красную розу на длинном стебле и преподнесла ее Нуриеву, он, тронутый этим, упал на колено, и стал осыпать ее руку поцелуями. Публика от этого зрелища лежала в обмороке. Нуриев и Фонтейн танцевали после этого вместе десять лет [11].

Фонтейн ушла со сцены в конце семидесятых. К середине семидесятых годов, когда Марго Фонтейн прекратила свои выступления, Нуриев стал выступать с Королевским балетом все реже и уже не считал себя членом его труппы. Правда, он оставил труппу не по собственной инициативе - Нуриев успел приобрести среди участников Королевского балета несколько верных друзей и подруг и огромное количество врагов.

Их последнее совместное выступление в полномасштабном балете состоялось 10 января 1976 года на сцене Королевского оперного театра, и танцевали они «Ромео и Джульетту».

Какое-то время она еще участвовала в особенно выгодных ангажементах вместе с Нуриевым, но большую часть времени она проводила на ферме. Когда Фонтейн умирала от рака, Нуриев, ездил к ней в Панаму, поддерживал морально. Марго Фонтейн скончалась в Панаме 21 февраля 1991 года от рака. Умерла она в нищете. Этой нищеты можно было избежать, помощи Рудольф ей разобраться с ее запутанными финансовыми делами. По её желанию она похоронена в одной могиле с мужем Тито, которого пережила на два года.

Помимо балетов с Марго Фонтейн, он постоянно ездил по миру. Его рабочий график не предусматривал отпусков и выходных. Сегодня спектакль в Париже, завтра утром - репетиция в Лондоне, послезавтра - гала-представление в Монреале, еще через двое суток - гастроли в Токио. Два вечера в Буэнос-Айресе переходили в турне по Австралии, которое прерывалось телевизионной съемкой в Нью-Йорке. В подобном темпе он жил не год-два, а целые десятилетия.

В истории балета нет более элегантной, мужественной и мудрой балерины, чем Фонтейн [12]

Легкая улыбка, горячий блеск глаз, темперамент, а еще стальная спина и железная воля — это Марго [12]

Единственная муза и друг Марго Фонтейн. Рудольф был ее партнером почти 700 раз [12]

Рудольф Нуриев директор балетной труппы Гранд Опера, Париж [13]

С 1983 по 1989 год он являлся директором балетной труппы парижской Гранд-опера.

О тех, кто остался.

Отец Рудольфа Нуриева

Заместитель командира батальона политрук майор Хамет Фазлиевич Нуриев скончался 25 февраля 1968 года от рака легких в возрасте 65 лет. Семь последних его лет прошли под моральным воздействием побега сына за рубеж. Долгих лет это ему не прибавило.

Что-либо конкретнее об этих годах Хамета Фазлиевича в интернете найти не удалось.

Каково было близким после побега Нуриева за рубеж в какой то степени видно из приводимых отрывочных сведений об отце и матери [14]:

В 1989-м сестра уже известного навесь мир Рудольфа Нуреева Резида Евграфова пришла к нам домой на интервью.

— Папу, конечно, таскали. Они с мамой ему написали, заклинали вернуться...

— А если бы он вдруг взял и вернулся?!

Резида Хаметовна поглядела исподлобья: ясно, проиграли бы все.

Главное в том разговоре осталось между строк - обида, с которой жила семья после прыжка Рудика в аэропорту ЛеБурже.

Бабушка вернула карточку и сказала:

«Какой эгоизм - настолько не думать о тех, кто здесь остался. Об отце, матери, сестрах - с ними-то что будет?»

Мама Рудольфа Нуриева

Королева Иордании и мама Нуриева

В [15] приведены следующие воспоминания: "Эту историю мне рассказал Явдат Искужин, полковник в отставке, работавший в свое время в Уфимском управлении КГБ СССР.

Однажды наше управление получило телеграмму. Было это в конце семидесятых годов, очевидно в 77-78 году. Оказалось, что целая группа сотрудников посольства Иордании запросило визу в Уфу. Два секретаря, с дочерьми лет шестнадцати, и, что самое неожиданное, королева Иордании Фатима с матерью и дочерью. Москва была страшно удивлена, и вот прислали телеграмму: «В чем дело? Просим выяснить». Параллельно пришла телеграмма в Верховный Совет республики: «Просим принять делегацию». В нашем управлении решили послать меня как человека, который знает языки - английский, персидский и так далее. Взяли букеты, поехали в аэропорт. Вот прилетел самолет, из него выходит очень милая дама - королева Фатима.

Дочь ее зовут Алия, как мать зовут - не помню. С ними, как и было сказано - два секретаря, очень хорошо одетые люди с дочерьми. Сели в машину, поехали. Говорили по английски, я переводил. По пути заехали в мечеть, там нас уже ждали. Было небольшое моление, затем королева подарила мечети Коран. Поехали дальше. Приехали в гостиницу «Россия», сели обедать. Когда пообедали, Чурова сообщила, что ожидается такая-то программа визита. Королева нагнулась ко мне и спрашивает:

– А нельзя ли нам заехать по одному адресу?

Я говорю:

– Давайте посмотрим, что это за адрес, далеко ли отсюда.

- Это адрес матери Рудольфа Нуреева.

Жила она на Проспекте Октября. Звоним в дверь. Открывает бабушка-мать Нуриева. Я объяснил, в чем дело. Мы посидели, поговорили. Королева стала рассказывать, что ее дочь учится в Лондоне, а она поехала ее забирать на каникулы. И там оказалось, что ее дочь знакома с Рудольфом Нуриевым.

Отец у меня умер, а мать живет в СССР. Я ее лет двадцать не видел, – сказал ей Нуриев. - Меня в СССР не пускают.

- Хотите, я поеду и навещу ее? – спросила королева.

- Конечно, хочу, - сказал Нуриев, - Но только Вас не пустят.

- Нет, пустят,- стояла на своем Фатима.- И я передам ей от Вас привет.

Вот, оказывается, чем было дело.

- Вы можете гордиться своим сыном, - сказала в заключение королева.

Мать прослезилась:

- Я бы гордилась им еще больше, если бы он танцевал здесь.

Королева вынула фотографии Нуриева, которые привезла с собой, передала его матери. Мать Нуриева вытащила из комода свою фотографию, что-то написала на ней и передала Фатиме для сына. Попрощались во дворе. Королева Фатима сфотографировала мать Нуриева. Затем они попрощались и уехали. Вечером делегация улетела в Москву.

Последняя встреча с единственным сыном

В ноябре 1987 года Рудольфу Нуриеву позвонила сестра Резеда и сообщила, что мать серьезно больна. Ждать больше не было возможности. После того как Нуреев остался за границей, в родном городе он побывал один-единственный раз в 1987 году. Ему дали визу на считанные часы – чтобы проститься с умирающей матерью.

Это было последнее воскресенье ноября. Пасмурный, безрадостный день. В поездке по городу Рудольфа сопровождали сестра Резида, внучатый племянник Руслан и фотокорреспондент ТАСС Виктор Воног. Он и рассказал о подробностях визита [16, 17].

В родном городе Рудольфа встречали родственники с цветами. Сестра Резеда, ее сыновья Виктор и Юрий, дочь Лиля, племянница Альфия с сыном Русланом. Взаимные представления, обаяния, улыбки...

Резеда отвозит Рудольфа и его спутников в гостиницу «Россия», а уже утром – к больной матери. Фарида ханум была в полубессознательном состоянии, говорила только шепотом, и Рудольф так и не был уверен, узнала ли она его. Сестра Лиля тоже была серьезно больна, но сразу узнала брата. И хотя все были рады встрече, было грустно.

Просидев час у постели матери, он вышел от нее со словами: «Она меня не узнала!»

Есть свидетельства, что умирающая мать не узнала сына. Он убеждал ее, что он ее сын, а она, указывая на его старую фотографию, утверждала: «Вот мой сын».

Может она и узнала его, но просто посидеть у постели матери, как в больнице у не очень близкого больного, могло оказаться недостаточно для того, чтобы растопить отчуждение от накопившихся обид за годы разлуки. О чем говорили Фарида ханум и Рудольф в течение часа у постели больной матери, пусть шепотом, теперь не узнать никогда.

Разговор остался известным только им. Ни сестра Резеда, ни сестра Лиля детали разговора не пересказывают. И не судьба была Рудольфу получить родительское прощение.

За эти долгие двадцать шесть лет отец с матерью прислали ему одно-единственное письмо. Письмо отца было коротко: сын предал Родину, и этому нет оправдания. Материнская телеграмма была еще короче: «Возвращайся домой». И, конечно, это печально грустные воспоминания...

Рудольф посетил места своего детства, впрочем, тоже не очень успешно.

В оперном театре никого увидеть не удалось, что было странным. Ведь в советских театрах воскресный день всегда был рабочим днем.

Школа, где он учился, тоже была закрыта.

Так что через полтора часа он вышел заметно подавленный, и они покатали в оперный, где Нуриев с 1953-го по 1955-й служил солистом балета.

Нуриев захотел проехать по Уфе, посмотреть на памятные места. Виктор Воног вел машину.

«Ты хотел к отцу на кладбище, здесь рядом»,— предложил он в слабой надежде на «шекспировский» план. Рудольф холодно ответил, что передумал.

В театре был выходной день, и Нуриева неохотно пропустили в здание. Он поднялся на второй этаж, вошел в балетный зал. Там оказался планшет со старыми снимками. Рудольф внимательно рассматривал их, узнавал артистов, с которыми когда-то работал. Прошелся по сцене, где сделал первые балетные шаги. Очень хотел увидеться с Зайтуной Насретдиновой, но ее телефон не отвечал. В филармонии тоже никого не было. Хореографическое училище расположилось в здании бывшей второй школы, где Рудольф учился, но вахтер категорически отказался пропустить гостя. В Художественном музее имени Нестерова хотел сфотографироваться на фоне понравившейся картины — смотрительница зала подняла шум.

Машина медленно двигалась по улице Зенцова, где когда-то жила семья Нуриевых. Дом №37, где он некогда жил, не сохранился. Дом №40 находился на четной противоположной стороне улицы Зенцова. У этого дома Нуриев сфотографировался. Видимо память из своих ячеек выдало что-то очень давнее, бередящее душу через много лет. (После 1987 г. прошло еще более двух десятков лет. Сегодня нет и бывшего дома №40 по улице Зенцова).

Рудольф Нуриев в Уфе напротив дома по ул. Зенцова,
где жила его семья. Коллекция Джона Гальяно, посвященная Рудольфу
Нуриеву [13]

Вдруг Рудольф попросил водителя:

- Останови возле этого дерева!

Вышел из машины и с интересом и удивлением стал рассматривать ярко-красные припорошенные снегом гроздья рябины.

- Что это? Как называется дерево?

- Рудик, - растерянно проговорила Резида, - разве ты не знаешь?! Это рябина. Как же он мог забыть рябину...

Рудольф Нуриев на высоком берегу реки Белая у памятника Салавату
Юлаеву

Коллекция Джона Гальяно, посвященная Рудольфу Нуриеву [13].

Могилу своего отца он не навесит. Хотя татарское кладбище (зират) находится недалеко от памятника Салавату Юлаеву, который он считал нужным посетить.

Вот и все. Только сохранившиеся старые дома на улицах города напомнили Рудольфу годы юности.

Больше в Уфу он не приезжал. Ни на похороны матери, ни на установку памятника или какого-либо другого скромного памятного камня от благодарного сына.

Самолет, Москва, снова самолет и снова Париж. Краткий миг в сорок восемь часов.

Фарида Аглиулловне быдо суждено прожить после встречи с сыном чуть менее двух месяцев. Фарида Аглиулловна умерла 5 февраля 1988 года от инсульта в возрасте восьмидесяти лет, Рудольфу через сорок дней исполнилось пятьдесят.

О сестрах. Как сложилась жизнь у них

У него были три сестры. Сестра Лиля была серьезно больна ещё во время приезда Рудольфа Нуриева в Уфу. Скоро она умерла. Другая сестра Нуриева - Роза Хаметовна Нуриева - Евграфова. Она никогда не имела ничего общего с театром: ее специальность техник-электрик, и в то время она была уже на пенсии. Обе сестры Рудольфа и его племянник и племянница смогли навестить его в Монте - Карло и в Париже. В юности он был дружен с сестрой Розой [18]. В конце 80-х она приехала к нему в Париж. Рудольф завещал ей свой дом (квартиру) в Монте-Карло, но в последний момент поругался с ней и переписал завещание, дав тем самым повод для судебной тяжбы по поводу своего наследства. После его смерти, она судилась с фондом его имени за наследство. В соответствии с мировым соглашением от 5 мая 1997 года, заключенным в Монако, подтверждалось право Розы Нуреевой-Франсуа до конца её жизни бесплатно проживать в нуриевской

квартире в Монте-Карло, плюс Фонд Нуриева обязывался выплачивать старушке Розе пожизненную пенсию в размере \$1500 (и пусть она живет тысячу лет). Но самое главное – Фонд Нуриева выплачивал Розе Нуреевой-Франсуа и её дочери Гюзели Нуреевой одновременно \$1,8 млн. за отказ от своих европейских исковых требований [19].

Последняя награда Рудольфа Нуриева

Триумф «Гранд-Опера» в Париже стал последним крупным успехом Нуреева вплоть до постановки «Баядерки» в 1992 году.

Однако, первые раскаты грома прозвучали еще в 1974 году. В 1985 г. впервые раздались требования вернуть деньги за билеты ввиду низкого качества исполнения: болезнь явно накладывала отпечаток на все, что он делал. "Этот человек являет собой жалкое зрелище, изнуряя себя выступлениями, с которыми не в состоянии справиться", - писал Берт Сапри в "Виллиджвойс". Но он не хотел признавать, насколько плохо выглядит, а критика Инну Скларевскую в интервью назвал «еврейской сукой». В 1992 году, на премьере, поставленного им в «Гранд-Опера» балета «Баядерка», ознаменовавшей торжественное событие – вручение Рудольфу Нуриеву высшей награды Франции за заслуги в области искусства, ордена Почетного легиона – виновник торжества был уже не в силах встать на ноги. На протяжении всей церемонии он, живописно задрапированный в алый шелк, восседал в кресле, более напоминавшем трон. Пышность обстановки резко контрастировала с его изможденным лицом.

В 1984 году Нуриеву был поставлен страшный диагноз - СПИД. Эта болезнь первоначально охарактеризовали как «рак гомосексуалистов» или «саркома Капоси». Однако СПИД вовсе не является исключительно болезнью геев. Но Нуриев прекрасно понимал, что в его жизни есть не совсем красивые факты, и боялся влияния, которые они могли оказать на его

карьеру.Нуриев прожил со СПИДОМ рекордный срок.Нуриев никогда не признавался публично в своей сексуальной принадлежности. Но откровенные высказывания на этот счет в интервью звучали. Как в 1979 году М.Уоллесу:«Я знаю, что значит заниматься любовью, и как мужчина, и как женщина».Летом 1991 года болезнь начала прогрессировать. Весной 1992 началась ее последняя стадия

Последний раз Рудольф танцевал 28 февраля 1992 года в Будапеште.

Рудольф Нуреев скончался рано утром 6 января 1993 года накануне православного Рождества, не дожив двух месяцев до своего 55-летия.

В палате были сиделка и сестра Роза, которой было суждено присутствовать при рождении и смерти своего брата.

Гроб с телом Нуриева, облаченного во фрак и чалму, был установлен в парижской Опере, которой он руководил шесть лет. Собравшаяся на панихиду публика с удивлением смотрела на сидящую возле гроба женщину в черной одежде. Это была Роза Нуриева [20].

Знаменитый танцовщик похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев де Буа под Парижем, где нашли свой последний приют многие наши знаменитые соотечественники, в разное время покинувшие Россию. Один из ведущих художников - оформителей Парижской Опера, Энцо Фриджеро, задумал оформление могилы с помощью восточного ковра.

Мозаичный ковер на могиле Рудольфа Нуриева (Париж, Франция).

Фото из [21]

Нуриев самый богатый человек в мире балета

О Нуриеве много говорили и продолжают говорить как о человеке, своей целью поставившем обогащение. В 80-е годы Нуриев был сказочно богат. Его состояние оценивалось в 60-70 миллионов. Обратно пропорционально богатству росла его скупость. Нуриев любил бывать в ресторанах, но никогда не платил. Он был уверен, что окружающие должны почитать за счастье находиться с ним в одной компании. Нуриева упрекали в жадности после того, как он не пожелал расстаться с деньгами, чтобы помочь самому верному своему другу - балерине Марго Фонтейн, когда она в

полунищете умирала от рака. А ведь Марго сделала для его карьеры больше, чем кто бы то ни было.

Недвижимость была отдельной страстью: у него остались квартиры в Нью-Йорке и Париже, дома в Лондоне и Сен-Бартельми, ранчо в США и остров Галли в Средиземном море. Нуриев купил их в начале 1980-х, отреставрировал три дома и на самом верху выстроил балетную студию.

Квартира Нуриева на набережной Вольтера в Париже. Коллекция Джона Гальяно, посвященная Рудольфу Нуриеву. Фото из [13].

Спальня для гостей, дом Нуриева. Коллекция Джона Гальяно, посвященная Рудольфу Нуриеву. Фото из [13]

Квартира Нуриева на набережной Вольтера в Париже вошла во все учебники по современному дизайну. Сам Нуриев, облаченный в шелковый халат (он обожал старинные дорогие ткани), идеально дополнял свои интерьеры. Небольшое состояние Нуриев вложил в антикварную мебель для своей парижской квартиры на набережной Вольтера и в семикомнатные апартаменты в небоскребе Дакота в Нью-Йорке. Не далее как за шесть месяцев до своей смерти танцовщик заказал новые трубы для дорогостоящего ремонта устаревшей водопроводной системы в своем доме на побережье Тирренского моря. Несмотря на все усилия, время и деньги, потраченные на обустройство своих домов, Нуриев едва ли жил в них больше нескольких дней кряду. Вся жизнь проходила в дороге [22].

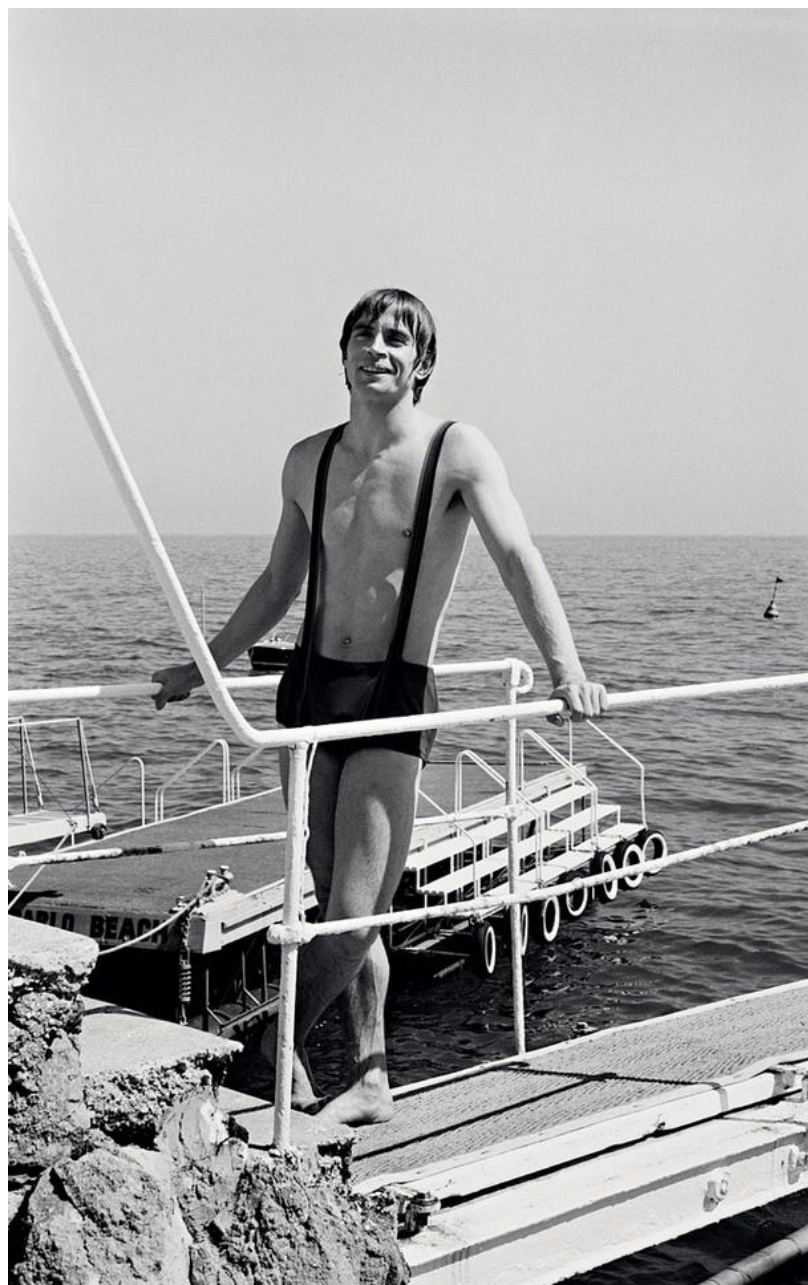
Архипелаг Ли Галли или остров Нуриева. Фото из [23]

Архипелаг Ли Галли или остров Нуриева

Танцовщик любил здесь устраивать праздники и его гостями были самые знаменитые персоны того времени. Фото из [24]

Рудольф Нуриев. Фото из [24]

Никто не знает ответа на вопрос, как Нуриеву удалось стать самым богатым человеком в мире балета, с состоянием, по разным оценкам от 15 до 80 миллионов долларов [22].

Все свое огромное состояние Нуриев завещал специальным фондам, которые должны были еще и школу балетную открыть, и стипендии выплачивать талантливым молодым людям, желающим изучать балет. Фонды были основаны еще при жизни Рудольфа Нуриева, самим танцовщиком. Один в Лихтенштейне, другой - в Чикаго. Цель была самая

прозаичная - уйти от налогов. Рудольф считал, что они непомерно высоки: «Все, что я имею, натанцевали мои ноги. Причем здесь какие-то чиновники?» Но в окончательной версии своего завещания, которое было написано за полгода до смерти Нуреева в одной из парижских клиник, он завещал всю свою собственность плюс банковские счета в Европе и ранчо в Америке (а это порядка 60 миллионов долларов по сегодняшним ценам) - своему Европейскому фонду.

Средства на поддержку балетных школ, оплату стипендий молодым талантливым танцорам Республики Башкортостан фондом выделены не были (как известно, Нуриев принял решение предоставлять стипендии самым многообещающим юным дарованиям со всего мира, в том числе России).

В итоге осталось непонятно, на что пошли миллионы танцовщика [25], [26].

Память

Мне не довелось вживую видеть танец Нуриева. Но я добросовестно пытался создать о нем собственное мнение. Я по несколько раз просматривал записи танцев Нуриева. При всем желании шедевра в них не усмотрел. Техника выступления танцоров (как и спортсменов фигуристов) быстро устаревает. В интернете мне не повстречались публикации с запоминающимися положительными воспоминаниями о личных человеческих качествах Нуриева. За вычетом таланта в Нуриеве было мало симпатичных черт.

Антуанетт Сибри, коллега Нуриева по лондонскому Королевскому балету, однажды заметила, что артисты не могли воспринимать его как обычного, нормального человека. Он и в России жил в соответствии с ему одному понятными ценностями и никак не собирался менять своих привычек после переезда за границу.

Существуют общепринятые жизненные ценности, выработанные веками развития человечества. Они настолько естественны, что вроде б о

них напоминать неудобно. Мне не удалось найти примеров бережного отношения Нуриева к своим кровным, и не только, близким. Забота о родителях. Пресловутым прыжком «в свободу» он нанес тяжелый долговременный удар здоровью родителей. Побег сына не мог не отразиться на здоровье родителей. Его отец скончался через шесть лет после побега Нуриева в возрасте 65 лет. Уже через несколько лет после побега Нуриев достиг материального благополучия на Западе и имел возможность оказывать родителям материальную помощь без особого урона своим доходам. Этого не было сделано ни разу. Нуриев вскоре приобрел квартиры в разных городах Европы. А в это же время его родители в Уфе долго проживали в доме древней постройки без элементарных удобств. Это продолжалось до тех пор, пока дом его родителей не попал под снос, и советская власть им бесплатно предоставила благоустроенную квартиру в новом доме. Когда его отец умер после продолжительной болезни, Нуриев не принял никакого материального участия в его похоронах. Судя по публикациям, когда его мать тяжело заболела и скончалась, помощи от Нуриева не последовало. Своим успехам на сцене и огромным гонорарам на Западе Нуриев обязан Марго Фонтейн. Многие упрекали Нуриева в жадности после того, как он не пожелал расстаться с деньгами, чтобы помочь Марго Фонтейн, когда она в полунищете умирала от рака. Отношение к Альма Матер. Нуриев обучался в Ленинграде за счет средств, выделяемых все годы его обучения Республикой. Однако сам он не выделил учащимся колледжа ни одного рубля. Любовь к Родине. Он никогда не страдал от ностальгии. Своему парижскому другу, посетовавшему, что он тоскует на чужбине без родных и друзей, он отрезал: "Не приписывай мне свои мысли. Я совершенно счастлив здесь, я не скучаю ни за кем и ни за чем. Жизнь дала мне все, что я хотел, все шансы". Судьба его - как на то посмотреть. Умер он не от совсем благородной, но мучительной болезни. Не дожил десяток - другой лет до среднестатистической продолжительности. В смертный час рядом не было любимой женщины, которая могла бы согреть

последний его вдох. Жизнь он построил так, что никогда у него не было ни детей, ни внуков. Вероятно, в качестве компенсации беспринципности, Нуриев был наделен двумя качествами, обеспечившими ему успех в жизни. Нуриев был знаменитым танцором своего времени. В своей профессии достиг больших высот. И еще ему было дано умение превращать свои выступления в деньги. Это дано очень немногим. Эти качества позволили ему стать обладателем огромного материального состояния. Остальное для него не имело значения. По его утверждению, был он совершенно счастлив. Видимо, так оно и было.

С точки зрения обычного обывателя, к которым отношу себя, исход у него печальный. Напоследок всем воздается то, что они заслуживают.

Послесловие

В Уфе ежегодно проводится Международный фестиваль балетного искусства имени Рудольфа Нуриева.

Башкирский государственный театр оперы и балета и Башкирское хореографическое училище в Уфе названы в его честь.

Память Нуриева предлагается увековечить в виде скульптуры или в виде бюста, на продолжении улиц Гоголя и Тукаева в Уфе (планируется потратить 30 - 40 млн. руб.) [27].

Первого марта 2014 г. Церетели заявил о готовности установить памятник танцовщику и в Уфе [27].

А один из экспонатов выставки, бронзовый барельеф, изображающий Нуриева, художник готов подарить местному музею.

Новая улица в Уфе - Рудольфа Нуриева - в самой ближайшей перспективе свяжет между собой сразу два микрорайона.

Таких масштабных памятных мероприятий не удаивались ни дважды герои СССР, уроженцы РБ, ни другие наши знаменитые земляки.

Но почитание Нуриева со стороны башкирских чиновников появилось сравнительно недавно. В 1987 году Нуриеву разрешили въезд на родину к умирающей матери. В Уфе от зарубежной знаменитости шарахнулись и чиновники от культуры, и местные "мастера искусств". А в тот период Нуриев действительно был знаменит на Западе. Однако руководители министерства культуры Башкирии тогда не считали Нуриева знаменитым. Более того, можно было отрицательно оценивать личность Нуриева. Но по-человечески нельзя было не оценить желание Нуриева повидаться с умирающей матерью, понять его и по возможности облегчить его нелегкую миссию.

Рудольф Нуриев единственный раз приезжал в Ленинград в ноябре 1989 г. Тогда Нуриев был не в лучшей форме, серьезно болен, и у него повреждена нога. В марте 1992 года состоялся первый его приезд в Казань. Маловероятно, что башкирские чиновники видели Нуриева, что называется «живьем». Не имея собственного видения танца Нуриева, когда-либо на сцене, тем не менее, его имя бездумно сегодня присваивается всему и вся. Судя по многочисленным публикациям, Нуриев был скандально знаменитой личностью. И носиться с его именем следовало бы более обдуманно. Нуриев для роста кассовых сборов использовал не самые интеллектуальные методы популярности. И они срабатывали. Примерами о несдержанности Нуриева заполнены книги его биографов. Упоминаются его сквернословие, разбитие о пол бокалов, бросание тарелок со спагетти в стену, швыряние балетных туфель в актрис, пощечины партнершам, грубости коллегам.

Одной из основных линий создания им собственного сценического имиджа было стремление максимально раздеться во время спектакля. В его собственной версии «Спящей красавицы», поставленной для Национального балета Канады в 1972 году Нуриев, по своему обыкновению, сначала появлялся укутанным в длинную, до пола, накидку. Чтобы снять ее, он поворачивался спиной к залу и потом медленно, очень медленно опускал ее, пока она, наконец, не застывала чуть ниже прекрасно очерченных ягодич.

Это искусство преподнести себя Нуреев тщательно хранил до самого конца [22].

Далеко не всем нравится рассматривать оголенную мужскую задницу. Но западная публика в целом принимала его взмах. Многие современные деятели от искусства, к сожалению, критически не способны оценивать эту пошлость. Западные критики демонстрации Нуриевым мужских начал преподносили как яркость, эмоциональность и сексуальность его танца. Именно эти основные черты его творчества назывались в первую очередь всеми балетными критиками как достоинства его танца.

Советская Русская балетная школа была более культурная, более целомудренная, и одухотворенная. Именно благодаря этим качествам советские артисты всегда были нарасхват на западной сцене. И сейчас многие русские артисты балета продолжают уезжать на запад. Обидно, наши лучшие мировые достижения уступают пошловатым Нуриевым.

В истории Башкирского балета не было недостатка в танцорах мирового уровня. Самая знаменитая в истории Башкортостана балерина Зайтуна Насретдинова стала народной артисткой СССР, третьей в Союзе после Галины Улановой и Ольги Лепешинской. Это были великие всемирно признанные балерины. Наши руководители от культуры должны были бы знать: случайно в этой когорте великих оказаться невозможно. Сам по себе этот факт является признанием того, что Зайтуна Насретдинова была великой балериной. На сцене Башкирского государственного театра оперы и балета вместе с Халяфом Сафиуллиным, который был её партнером, спутником жизни и единомышленником они выступали двадцать три года.

Их искусству рукоплескала публика ГДР и Болгарии, Венгрии и Польши, Кубы и Монголии, Великобритании и Шотландии, Ирландии и Кореи.

Мне обидно, что мы не умеем хранить достойно память о своих знаменитых соотечественниках.

Но зато башкирские чиновники продолжают выискивать: чему бы еще присвоить имя далеко не однозначного Нуриева? Вместо этого им бы воспитывать сегодняшних великих Насретдиновых.

Башкирское хореографическое училище в Уфе названо в его честь. Вот на этом пункте мне показалось необходимым остановиться подробнее. Учащиеся колледжа, как и вся нынешняя молодежь, значительную часть времени проводят в интернете. Рано или чуть позже у них обязательно возникает интерес к личности, чье имя присвоено его училищу. Если открыть в интернете поисковое окно и набрать Рудольф Нуриев, Вам будет предложена масса литературы. В значительной части из них будет затронута тема Нуриев - гомосексуалист. И прочие детали по этой тематике, вызывающие нездоровый интерес к нетрадиционным сексуальным отношениям. Поскольку колледж носит имя гомосексуалиста, то естественно, учащиеся этого учебного заведения призваны быть во всем достойными того, чье имя носит учебное заведение. Кого же колледж воспитывает: гомосексуалистов? Это тупиковое направление. В пределе колледж может вообще остаться без учащихся. В Российской Федерации действует уголовная статья за пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних. Она гласит:

Ст. 6.21 "Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних". Под такой пропагандой понимается распространение информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, либо навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес к таким отношениям, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

Ибрагимов Самим Зиннатович, 2015 год.

ИСТОЧНИКИ

1. Автобиография Рудольф Нуреев. [Электронный ресурс]//URL: http://www.rudolfnureyev.org/books/nureev_autobiogr.htm (дата обращения 06.01.2015 г.).
2. Магдеев М., Ишмуратов Р. Биография Нуриева [Электронный ресурс]//URL:<http://mynureyev.narod.ru/BIO.htm> (дата обращения 06.01.2015 г.).
3. Достопримечательности. Россия – Поволжье. Уфа. Здание Башкирского театра оперы и балета [Электронный ресурс] // В ОтпускRU: [сайт]. URL:http://www.votpusk.ru/country/dostoprim_info.asp?ID=14787 (дата обращения 06.01.2015 г.).
4. Алла Сизова. Кадр из фильма-балета "Спящая красавица" [Электронный ресурс] // Кино-Театр.РУ-интервью, статьи. [сайт] URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/6719/foto/>.
5. Нуреев Рудольф Хаметович – жизнь и балет (17 марта 1938, станция Раздольная Иркутской области – 6 января 1993 года, Париж) со ссылкой на книгу Самин Д.К. *Самые знаменитые эмигранты России.* - М.: Вече, 2000 [Электронный ресурс] // «Биографии и жизнь людей России. Сайт биографий». Биографил.ру. Люди и биографии.[сайт]. URL: http://www.biografii.ru/biogr_dop/nureev_rudolf/nureev_rudolf.php (дата обращения 06.01.2015 г.).
6. Ролан Пети. Рудольф Нуриев был опасен.Фрагменты интервью. *Суббота, 09 Февраля 2013г.* [Электронный ресурс]//LiveInternet[сайт]. URL:<https://www.liveinternet.ru/users/bo4kamedata/post260296429/> (дата обращения 06.01.2015 г.).
7. Последнее "прости" миру Рудольф Нуриев сказал обнажённым. Выпуск газета сегодня №21 (1069) за 29.01.2002 года [Электронный ресурс]// Сегодня. Российская газета [сайт]. URL:segodnya.ua (дата обращения 06.01.2015 г.).

8. Виталий Вульф. Рудольф Нуриев С мечтою о смерти. На сцене. [Электронный ресурс]// Люди, биографии, истории, факты, фотографии [сайт]. URL: <https://www.peoples.ru/art/theatre/ballet/noureev/history2.html> (дата обращения 06.01.2015 г.).

9. Пожар в крови: Рудольф Нуриев, Эрик Брун и Марго Фонтейн [Электронный ресурс]// Сплетник [сайт] 31.08.2010 г. URL:http://www.spletnik.ru/blogs/pro_zvezd/19125_pozhar_v_krovi_rudolf_nurie_v_erik_brun_i_margo_fontejn(дата обращения 06.01.2015 г.).

10. Мари Мэри. Марго Фонтейн - и в любви и в танце [Электронный ресурс]//Lifeinternet, 23.08.2013 г. URL:https://www.liveinternet.ru/users/martiny_mila/post288438916/ (дата обращения 06.01.2015 г.).

11. Пожар в крови: Рудольф Нуреєв, Эрик Браун и другие ... (часть 2) [Электронный ресурс]//Зонт.журнал I ЛГБТ-культура, 12.08.2018 г. URL: <https://vk.com/@zontzhurnal-pozhar-v-krovi-rudolf-nureev-erik-brun-i-drugie-chast-2> (дата обращения 06.01.2018 г.).

12. Рудольф Нуриев. Кроме секса была и любовь [Электронный ресурс]//Lifejournal, 3.08.2013 г., URL:<https://alindomik.livejournal.com/298770.html>.

13. Коллекция Джона Гальяно, посвящённая Рудольфу Нуриеву[Электронный ресурс]//Lifejournal, 22.04.2011 г., История красоты, URL: <https://bellezza-storia.livejournal.com/7860.html>.

14. Агишева Г.Он улетел и не обещал вернуться [Электронный ресурс]//Известия, 14.03.2008 г. [сайт]. URL: <http://izvestia.ru/news/334336> (дата обращения 06.01.2015 г.).

15. Айдар Хусаинов. Мама Рудольфа Нуриева. [Электронный ресурс]//Айдар Хусаинов[сайт], публикация 02.09.2008 г. URL: <https://husainov.livejournal.com/2008/09/02/>(дата обращения 06.01.2015 г.).

16. После того, как Нуреев остался за границей , в родном городе он побывал один единственный раз. Памяти Рудольфа Нуриева. Уфимский день. Рябиновый ожог. [Электронный ресурс]//Уфа. Три шурупа - лучшее в социальных сетях Уфы [сайт],URL:<https://trishurupa.ru/content/posle-togo-kak-nureev-ostalsya-za-granitsej-v-rodnom-gorode-on-poby-val-odin-edinstvenny-j-raz.html> (дата обращения 05.01.2020 г.).

17. Рудольф Нуриев. Я умру полубогом (52 с.) [Электронный ресурс]// Елена Обоймина. Биографии и мемуары. [сайт],URL: https://dom-knig.com/read_186831-52(дата обращения 05.01.2020 г.).

18. Прыжок в свободу. Звездой балета Рудольфа Нуриева сделала русская школа. Самые интересные статьи АИФ.РУ в TELEGRAMM [Электронный ресурс]//АиФ суперзвёзды №6 18/03/2003.[сайт],URL: https://aif.ru/culture/person/rudolf_nuriev_s_mechtoyu_o_smerti_na_scene(дата обращения 05.01.2020 г.).

19. Oadam. О завещании Нуриева и жадных наследниках [Электронный ресурс]//OADAM[сайт], 2015-06-09 URL: <https://oadam.livejournal.com/389882.html>(дата обращения 05.01.2020 г.).

20 Оболенский Игорь. Четыре друга эпохи. Мемуары на фоне столетия. Космонавт номер 2. Танцовщик Рудольф Нуриев// indbooks[сайт],URL: <http://indbooks.in/mirror7.ru/?p=384055> (дата обращения 06.01.2020 г.).

21. Мозаичный ковер на могиле Рудольфа Нуриева (Париж, Франция)// Турбина.РУ [сайт], направление Франция, Париж, 03.03.2013 г., URL: <https://turbina.ru/guide/Parizh-Frantsiya-118086/Zametki/Mozaitchnyy-kover-na-mogile-Rudolfa-Nurieva-71454/> (дата обращения 06.01.2020 г.).

22. Нуреев Рудольф Хаметович (17 марта 1938, станция Раздольная Иркутской области - 6 января 1993 года, Париж) со ссылкой на Самин Д.К. "Самые знаменитые эмигранты России". - М.: Вече, - 2000 электронный ресурс// Рудольф Нуреев сайт URL: <http://beduinka2007.narod.ru/Nureev.html> (дата обращения 06.01.2020 г.).

. 23. «Русский остров» - Архипелаг «Ли Галли». Остров в форме дельфина [электронный ресурс]// LifeInternet [сайт], 23.10.2015 г., URL: <https://www.liveinternet.ru/users/5679659/post374937978/> (дата обращения 06.01.2020 г.).

24. Ли – Галле, остров Нуриева [электронный ресурс]// ОТЗЫВ.РУ АМАЛЬФИ [сайт], отзыв от 06.07.2013 г., URL: <https://www.otzyv.ru/read.php?id=160133> (дата обращения 06.01.2020 г.).

25. Мила Каян. Кому досталось наследство Рудольфа Нуриева [электронный ресурс]//Комсомольская правда [сайт], 17.03.08, URL: <https://www.ufa.kp.ru/daily/24064.5/305575/> (дата обращения 06.01.2020 г.).

26. Баганова Мария. Рудольф Нуриев. Глава 16. Наследство и наследие.[электронный ресурс]// ВИКИ ЧТЕНИЕ [сайт], URL: <https://biography.wikireading.ru/179477> (дата обращения 06.01.2020 г.).

27. Не надо никого сталкивать лбами: Уфа опередит Казань с памятником Рудольфу Нуриеву? [электронный ресурс]// Бизнес NLine [сайт], 21.09.2018 г., URL: <https://kam.business-gazeta.ru/article/396129> (дата обращения 06.01.2020 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

ЧТО СОХРАНИЛА ПАМЯТЬ

УЛИЦА МОЕГО ДЕТСТВА	3
САМОЕ РАННЕЕ	 12
ПОРА ШКОЛЬНАЯ	18
ПОРА ВОЕННАЯ	22
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	35

ЗВЕЗДА С СОСЕДНЕЙ УЛИЦЫ

КОРНИ РУДОЛЬФА НУРИЕВА	39
11 МАЯ 1961 ГОДА	49
ЖИЗНЬ НА ЗАПАДЕ. ПОИСКИ СВОЕГО МЕСТА	55
О ТЕХ, КТО ОСТАЛСЯ	66
ПОСЛЕДНЯЯ НАГРАДА РУДОЛЬФА НУРИЕВА	74
НУРИЕВ САМЫЙ БОГАТЫЙ ЧЕЛОВЕК В МИРЕ БАЛЕТА	76
ПАМЯТЬ	82
ПОСЛЕСЛОВИЕ	84
ИСТОЧНИКИ	88